

СКАЗКИ ТРО ПЫШКА И А

СКАЗКИ ТРО ПУШКИНА

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

и т я

Нижний Новгород
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-45
С 42

С 42 Сказки про Пушкина / А. Л. Шарова,
АНО «Нескучный Нижний». — Нижний Новгород:
РИА «ИМЯ», 2023. — 176 с.: ил.

Под этой обложкой сказки для взрослых и детей, которые написали профессиональные литераторы, экскурсоводы, работники библиотек, пенсионеры и даже подростки, которые приняли участие и победили в литературном конкурсе «Сказки ПРО Пушкина», который был проведен АНО «Нескучный Нижний» при поддержке Министерства внутренней политики Правительства Нижегородской области и Фонда президентских грантов.

ISBN 978-5-6048044-5-2

*В оформлении обложки и внутренних разделов
сборника использованы: дизайн Веры Лукьянчук
и рисунки Матвея Вотинцева*

© А. Л. Шарова, АНО «Нескучный Нижний», 2023
© Оформление, РИА «ИМЯ», 2023

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ СКАЗКИ ПРО ПУШКИНА

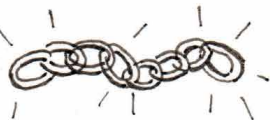
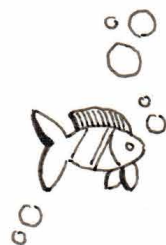

Предисловие для тех, кто НИКОГДА не читает предисловий

Вы открыли книжку «Сказки ПРО Пушкина». У нее нет одного автора, под этой обложкой сказки, которые написали профессиональные литераторы, экскурсоводы, работники библиотек, пенсионеры и даже подростки, которые приняли участие и победили в литературном конкурсе «Сказки ПРО Пушкина».

Конкурс не накладывал на фантазию авторов никаких ограничений. Главное, чтобы в истории действовал сам Александр Сергеевич, герои его произведений, или использовались пушкинские сюжеты. А жанры и литературные формы могли быть самые разные. Вот и получились у авторов лирические стихотворения, фантастические рассказы и почти научные изыскания.

Может, это кошунство? Конечно, нет! Пушкин потому и считается классиком, что к нему обращается каждое новое поколение, порождая новые интерпретации. Зощенко позволил себе написать шестую повесть Белкина, а Брюсов - закончить за Александра Сергеевича поэтический цикл «Египетские ночи».

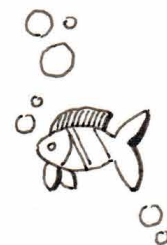
Почему же и мы не можем себе этого позволить? В 1912 году поэты-футуристы Алексей Крученых, Владимир Маяковский и Давид Бурлюк в своем манифесте «Пощечина общественному вкусу» писали: «Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее иероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода Современности».

А мы не позволим сбросить Пушкина с «Парохода Современности»! И это даже не потому, что мы ему многим обязаны. Тургенев сказал: «Пушкину одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу».

Мы не забудем Пушкина потому, что он был такой сложный и разный, он сумел так рассказать о том, что нас волнует и сейчас, что и теперь он для нас не памятник и не название улицы. Он живой!

И мы берем его с собой в самое главное путешествие каждого человека — путешествие по жизни.

Александра Лориевна ШАРОВА,
автор проекта «Сказки про Пушкина»,
директор АНО «Нескучный Нижний»,
председатель правления Ассоциации
экскурсоводов Нижегородской области

Надежда ФИЛИППОВА

Орден СЛОВА

Владимир Иванович Даль по долгу службы приехал в Нижний Новгород в 1849 году. Он занял пост управляющего нижегородской Удельной конторой, где ему приходилось ежедневно иметь дело с десятками людей, решая их имущественные вопросы.

Работа всей его жизни — «Словарь живого великорусского языка» продолжалась непрерывно. В Нижнем Новгороде автор продвинулся в составлении словаря до буквы «П».

Говорят, в Петербурге для тайных обществ — раздолье. Густые невские туманы, дома-муравейники, тёмные дворы, чёрные лестницы, плащ-кинжалы, казаки-разбойники. Смешно. Владимир Иванович всё это почитал вздором, развлечением для профанов — впору только сущеглупым юнцам да скучающим вельможам. Он же ни к тем, ни к другим касательства не имел, и рядиться в графа Калиостро был решительно не намерен. Ежели возглавляешь не опереточную масонскую ложу, а Орден, то о конспирации по долгу службы знаешь поболее, чем всё Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии в полном составе. Ни к чему из себя шутов гороховых строить. Так что штаб-квартиру Ордена Владимир Иванович спрятал по всем законам тайной науки — на самом виду.

Ведь что такое Нижний Новгород? От силы три месяца в году, пока шумит знаменитая на весь мир Ярмарка, Нижний ещё смотрится большим городом. Шум, гам, празднующие толпы, извозчики ломают втридорога, паршивую комнатёнку с тараканами сдают по цене квартиры с прислугой, да и ту не найдёшь.

Но только подуют ветра осенние, и морок рассеивается. Пустеют улицы и пристани, тишина опускается на заросшие лопухами дворы. Купчина вешает замок на ворота и просиживает часами за самоваром. Одни только обывательские свиньи, пущенные в безлюдный ярмарочный городок

на выпас, шумят и резвятся. И всякому ясно — никакой не город это, а большая деревня, где чистой публике только и остаётся, что французские романы выписывать да живые картины на журфиксах представлять, чтобы окончательно не спать от скуки.

И кто заподозрит, что из эдакой глуши Владимир Иванович управляет самым могущественным в России тайным Орденом? Да никто.

Тихо было у Владимира Ивановича в Удельной конторе, так тихо, что слышно даже, как шуршит сухой снежок по стёклам, как ругается на другой стороне Большой Печёрской улицы чёрными словами какой-то мужик. Профан, невежа — столько слов, да ни одного путного. Владимир Иванович поморщился. Не так следует обращаться со Словом, совсем не так.

Братья и сёстры по Ордену чинно сидели на жёстких стульях, отхлёбывали из стаканов крепко заваренный пунцовый чай, беседовали вполголоса о неважном, ждали знака. Чем хорошо управлять Удельной конторой? Можно кого хочешь у себя принимать, никто и не заметит. Затеряются тайные гости в череде посетителей. Шутка ли, сорок тысяч государственных крестьян — и все на попечении Владимира Ивановича. Случись какое несчастье или разлад — к нему спешат. А бывает, просто за советом или за лекарством заглянут. К кому им ещё идти? Нижегородским обывателям то казалось смешно — правслова, чудака-человека этот господин Даль. Другой бы на его месте как сыр в масле катался. А этот, извольте видеть, мало того, что несносно честный — даже самой ничтожной мзды не берёт, — так ещё и носится с этим мужичьём, как дурень с писаной торбой. Ещё и больницу для них выхлопотал. Чудит, милые мои, ах, чудит!

Но Владимир Иванович не чудил. Он ничего не делал зря. Интерес его к людям был искренний, неподдельный. Нет материала нужнее и благороднее человеческого. Нижегородское отделение Ордена Слова он сформировал сам, и люди у него были как на подбор, один к одному.

Первым нашёл он брата Кузьму. Это был драгоценный самородок, вобравший в себя всё лучшее, что только может быть в крестьянском сословии. Огромного роста, тучный, густобородый брат Кузьма был из потомственных ямщиков. Предки его возили государеву почту ещё при Алексее Михайловиче. Из поколения в поколение передавали они Слово, без которого на их опасной, беспокойной службе недолго было и сгинуть. То была не бессмысленная грязная матерщина, вроде слышанной давеча, о нет! То было Слово боевое, могущественное и грозное. Кузьма одним малым загибом возвращал на место разболтавшуюся колёсную втулку, двумя — смирял взбесившегося коня, а полной тирадой мог смести с дороги волчью стаю или шайку разбойников.

Сестра Елизавета была ему полной противоположностью — бледная, сухопарая, до срока увядающая, ещё не старая годами, но старая дева по жизненному жребию. Состояла она воспитательницей при дочерях купца Тимофеева, а в свободное время оказывала доброхотную помощь

в женском отделении Мартыновской больницы. Барышням в провинции не хватает образования, зато в избытке у них беспорядочного чтения, преимущественно стихов и романов. Но сестра Елизавета вынесла из книг куда больше, чем слезливые благоглупости и мечты о графе с чёрными усами и большим состоянием. Любила она поэзию, любила самоотверженно, но не сентиментально. Из множества рифмованных строк безошибочно выделяла те, что содержали Слово, и использовала их хладнокровно и бесстрашно. Из сонма воинов Слова Владимир Иванович ставил её выше всех. Одним только «буря мглою небо кроет» она могла погрузить операционного больного в глубочайший сон, подобный наркотическому. С помощью «я вас любил, любовь ещё быть может» купировала эпилептические припадки. А прошлым летом совершила истинный подвиг, остановив в одиночку (Владимир Иванович был тогда в отъезде) набравшую силу эпидемию холеры. Для этого она без перерыва десять часов кряду читала «Клеветникам России», после чего сама попала на больничную койку в состоянии сильнейшего нервного и физического истощения.

Брат Николай, благообразный, похожий на святого князя Бориса-страстотерпца с дореформенных икон, был из раскольников-староверов, и, как положено староверу, большой дока по части старинных книг и рукописей. Но Слово он обрёл не в житиях святых и не в писаниях Аввакума, а трудах покойного своего тёзки, Николая Гоголя. Тут совесть Владимира Ивановича была не вполне спокойна. Взял грех на душу, отказал брату Александру, когда тот просил — возьми Гоголя в Орден, он из наших, Слово чувствует всей душой. Может, согласился бы тогда Владимир Иванович — и не поглотила бы Гоголя тьма, отстояли бы его братья и сёстры. Но нельзя, нельзя было его в Орден допускать. Уже тогда провидел в нём Владимир Иванович ростки безумия. А безумец, вооружённый Словом, похуже будет всех казней египетских. Хорошо, в последний миг успели посланцы Ордена спалить в печи написанное Гоголем незадолго до кончины — иначе не выстоять бы России... Один брат мельком глянул — и сгорел потом, как свечка, в три дня не стало человека — сначала душа умертвилась, а за ней и всё остальное...

За Словом брат Николай нырял в гоголевскую прозу, как ловец жемчуга в море, полное кровожадных акул. Но собранные им драгоценные зёрна сияли ярче звёзд небесных. Умягчение злых сердец, пробуждение совести, возвращение в разум — всё мог брат Николай. Чтением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» отвращал он от пьянства целые деревни, а однажды «Старосветскими помещиками» сумел даже воззвать к милосердию губернского прокурора, надворного советника Андрея Ивановича Котляревского, что сродни было библейскому чуду.

Последней к Ордену присоединилась сестра Ираида, вопленица из села Безводное. Сестру Ираиду Владимир Иванович уважал безмерно, но и боялся тоже. Да, он, Великий магистр Ордена Слова — боялся. Сестра

Ираида была человек в определённых кругах широко известный. Сельский люд да и городское купечество наперебой звали её «вбпить» на похоронах и свадьбах, согласно старорусскому обычаю. Неважно, был то плач по невесте, выдаваемой замуж, или по мужу, убитому в дальней стороне, — стоило этой сухонькой, темнолицей старушке отрыть рот, как раздавался стон, полный невыразимой тоски, столь древней, что перед ней оставалось только склониться и отступить. Страшна была сила этого горестного женского вопля. Владимир Иванович ясно отдавал себе отчёт в том, что ни из глубины веков идущее Слово сестры Ираиды, ни природный её дар он контролировать и направлять не в силах. Но и оставить без присмотра не мог. В конце концов, если бы не Ираида, тогда ещё молодая, крепкая женщина, скинули бы в двадцать пятом году заговорщики государя-императора Николая Павловича, и погрузили бы страну в кровавый хаос похуже пугачёвщины...

Владимир Иванович отставил в сторону свой стакан чаю, едва пригубленный. Это был сигнал к началу собрания. Взгляды всех членов Ордена обратились на Великого магистра.

— Вначале было Слово, — провозгласил Владимир Иванович. — И мир будет стоять, пока Слово звучит.

— Слово звучит, — откликнулся Орден.

— Вот уж восемнадцать лет, как нет с нами брата Александра, — Владимир Иванович вздохнул тяжело. — Был он неутомимый кузнец Слова. Без его наследия не выстоять бы нам в эти смутные дни. Вооружил нас, воздвиг крепкие стены, укрыл нас своим покровом. Мог бы и себя спасти, да не захотел...

— Всё гордыня барская, — пробасил Кузьма. — Да он одной своей епиграмой мог того прыща хранцузского, как комара, пристукнуть. Нет, вишь, из лепазу ему стрельнуть приспичило...

— Не смейте его осуждать! — выкрикнула сестра Елизавета. — Он поступил как человек чести! Брат Александр не пожелал использовать Слово в личных целях и...

— Довольно, братья и сёстры, — остановил их Владимир Иванович, и спорщики сразу умолкли. — Не нам судить брата Александра. Арсенал, что он нам оставил, не имеет цены.

— На нём мы только и держимся, — скорбно подтвердила сестра Елизавета, поджав губы.

— Позвольте не согласиться, — напирая на «о», возразил брат Николай, — ежели взять сочинения господина Гоголя...

— Отставить! — по-военному резко оборвал их Владимир Иванович. И уже мягче добавил:

— Как я уже сказал, наследие брата Александра бесценно. Но, как и всё, созданное человеком, оно не вечно. Пока могущество его Слова только растёт, и так будет ещё долго. Но и его люди забудут. Нет, не забудут. Хуже — будут повторять, но без цели и смысла, как дурак, которого заставили

Богу молиться. Дети станут учить его, как «Отче наш» — и проговаривать строки, души в них не вкладывая. Выйдет одно пустое попугайничанье. Именем его назовут улицы, по которым ему и ходить-то было бы зазорно, а лицо его наладятся рисовать на коробках с конфетами. И тогда стены, им возведённые, падут, и меч, им выкованный, превратится в прах... Через сто лет, много — через двести, потомки наши останутся безоружны...

— Так что же им, сырым, делать? Одними матюками Отечество оборонять, как при царе Горохе? — жалобно спросил брат Кузьма.

— Нет, на одних матюках долго не продержатся, — согласился Владимир Иванович. — Сами знаете, каков мой крест, труд мой многолетний, которому не вижу пока конца. По крупнице собираю силу Слова в «Толковый словарь живого великорусского языка». Из этого арсенала всякий, кто не лишён дара Слова, сможет брать... Продержатся. А там, приведет Господь, и новое солнце русской словесности народится. Может, уже народилось — пробует сейчас своё перо какой-нибудь талантливый юноша...

— Не может быть второго Солнца, самое большее, на что можно надеяться — луна, — ревниво фыркнула сестра Елизавета, обожательница брата Александра. — Сами видите, в какую тьму погружено наше общество. Напишет вам какой-нибудь спившийся картёжник про душегуба с топором под мышкой, а вы скажете — ах, какое великое Слово...

— Да где ж вы, барынька, видели, чтоб топор под мышкой носили? — съязвил Кузьма. — За поясом носят топор-то.

— Не время ссориться, братья и сёстры, — сурово остановил их Владимир Иванович. — В Чёрном море коварный осман угрожает русскому флоту. Отечество наше в опасности. Наш долг — помочь русскому оружию. И помните — у противника тоже есть Слово. Но наше Слово — крепче! Давайте вместе, братья и сёстры. Готовы? Начали!

— «Ой да на чистом поле горюшко садилось, да само тут злодейство восхвалялося», — вывела сестра Ираида. У Владимира Ивановича похолодело в затылке — как всегда от страшной стихийной силы, заключённой в этом заунывном старушечьем вопле.

— «Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямою своего нрава», — вступил брат Николай.

— «Гляжу, как безумный, на чёрную шаль, и хладную душу терзает печаль», — подхватила сестра Елизавета.

— ...! ...! ...! — словно гвозди заколачивал крепкие слова Кузьма.

— «ЕРИХОНИТЬСЯ — то же что хорохориться, ерепениться, важничать, ломаться, упрямиться», — нараспев начал Владимир Иванович.

Невообразимо далеко от Нижнего Новгорода адмирал Павел Степанович Нахимов вглядывался сквозь сплошную пелену дождя в очертания турецкого берега.

Кирилл САВИНОВ

А был ли Пушкин?..

Писать про Пушкина так странно
И несказанно тяжело.
Ведь все поэты непрестанно
Равнение держат на него.

Судьба поэта — лишь мгновение,
В котором осени печаль,
Любовь и робкие сомнения,
Манящая дороги даль.

Среди бессонницы полночной
К заре далёкой по пути
У Пушкина рождались строчки,
Чтобы в бессмертие уйти.

Когда-то раньше мне казалось,
Писал он просто, без затей,
Но у поэта получалось
Глаголом жечь сердца людей.

Среди его стихов и прозы
Такой фантазии простор —
На очевидные вопросы
Ответы ищут до сих пор.

К примеру, чеховская Маша
Одно всё время говорит:
«Где это Лукоморье ваше?
И где зелёный дуб стоит?»

В Москву, к мечте своей стремится,
Ирина с Ольгой вторят в том.
А три сестры — как три девицы,
Что пряли тихо под окном.

Стихи ложились на бумагу,
Сквозь пустоту и полумрак.
В тетрадки Юрия Живого
Записывал их Пастернак.

О пушкинском стихосложении
Немало проведя бесед,
Искал в поэзии спасения
Несчастный доктор много лет.

Придумал Пушкин чудо-остров
Под странным именем Буян,
Добраться до него не просто,
Да будь он трижды окаян.

Богатырей не видно в латах,
Гвидон не правит им давно,
Однако Леонид Филатов
Про остров вспомнил всё равно.

Его Федот-стрелец отважный,
В моря отправленный ходить
Царём своим, нашёл однажды
Там То, чего не может быть.

Семья приезжая в столице,
Гуляя в полдень по Тверской,
На фоне Пушкина стремится
Запечатлеть себя с Москвой.

Не для забавы, не для славы,
Из памяти чтоб не стереть.
И будет песня Окуджавы
На фоне Пушкина звенеть.

А среди опер лучших самых
Никак без пушкинских стихов:
«Онегин», «Пиковая дама»,
«Дубровский» или «Годунов».

И рукоплещут залы снова.
Чайковский, Мусоргский, Кюи
Связали музыку и слово,
Чтоб легче мы понять могли

Всю силу русского поэта,
Всю ширь родного языка,
Так солнце пушкинского света
Нас согревает сквозь века.

... Погода лето вдаль уносит,
И близок хлад ненастных дней.
Приходит болдинская осень
И вдохновение вместе с ней.

Считают годы нам кукушки,
Стихов полно, не перечечь.
Но на вопрос: «А был ли Пушкин?»
Ответит каждый: «Был и есть!»

Елена РЕТИНА

Болдинская трагедия

Она пришла к нему под утро.

Лёгкая, свежая, воздушная.

— Как ты тут без меня? — насмешливо спросила она, скользнув под одеяло к нему на грудь.

Он чуть не задохнулся от счастья. Он обожал эти моменты — когда она приходила. Она это делала всегда внезапно, и ВСЕГДА после этого начиналось ЕГО время.

Он вскочил, быстро умылся, оделся, позавтракал и вновь устроился на диване... теперь уже с пером и пачкой бумаги.

— Я ждал тебя! Я жду тебя каждый миг своей жизни! — восторженно шептал он, и образы, нестройно роящиеся в голове, стали обретать черты и формы.

Она, смеясь, осыпала его этим сверкающим фонтаном. Он ловил их брызги — иногда в наспех сделанном наброске, иногда в строке — пытаюсь зафиксировать эти видения на бумаге, чтобы они вновь не улетели в другой мир. Иногда образы из его головы перетекали на бумагу, иногда его пером водила она, и он всегда жаждал именно этих моментов. Такие рифмы получались лучше всего!

...

Потрудились они на славу. Уставшие и счастливые — Он и Она — разметались на диване, и начался самый сложный разговор в его жизни. Он знал, что этого не избежать.

— Говорят, ты собираешься жениться, — нарочито равнодушно спросила она. Даже не спросила, а проговорила как факт, но сомнительного содержания.

— Ты просто её не видела! Она божественна! Она красавица! Она — первая красавица, я — первый поэт, мы будем прекрасной парой! — стал сбивчиво оправдываться он в ответ.

— Красавица! — слишком громко, даже несколько вульгарно расхохоталась она в ответ. — «Гений чистой красоты»! Да ты так про каждую говорил! Жениться-то зачем?

— Тут другое, — упрямо опустив голову, сказал он. Разговор приобрёл направление, из которого пути назад нет.

— Вот что скажу тебе, мой дорогой, — её голос стал похож на сталь. Он разрезал воздух так беспощадно, что ему страшно было дышать. — Ты — поэт, и ОБЯЗАН служить Музе. Выбирай — или Я, или Она.

Он молчал. Так, в размолвке, они и заснули.

Когда первый луч солнца упал на подушку, она проснулась и засмотрелась на его лицо. Как она любила играть его кудрями, любила смотреть, как вспыхивает творческий огонёк в его ганнибаловских глазах.

— Я помогу тебе сделать правильный выбор, — прошептала одними губами она, нежно водя кончиком пальца по смуглой коже его лица. — Я дам нам... три месяца. Три месяца мы будем вместе — только Ты и Я. Я договорюсь с Роком. Я покажу тебе, на что я способна. На что Мы способны! Такого в твоей жизни не было никогда! Я осыплю тебя такими дарами, что ты поймёшь, что мы созданы друг для друга! И ты передумаешь!

Утром он выглядел несколько поникшим, виноватым, но ничего не говорил.

Блестящая, сияющая, она сидела напротив за столом и улыбалась. Разговор начала она:

— Я хочу сделать тебе подарок!

— Подарок? — он с любопытством смотрел в её прекрасное лицо.

— Да. Ты будешь писать... ПРОЗУ!

— Я?! Прозу?! Я — великий поэт России?! Я не смогу! — с возмущением отодвинул он от себя пачку бумаги.

— Сможешь! Ну, если волнуешься, напишешь, что это не твои повести, а чьи-то ещё, — соблазненно улыбнулась она.

— Чьи?! — непонимающе смотрел на неё Поэт.

— Ну, скажем, Белкина!

...

Три месяца они были вместе и дни и ночи напролёт предавались творческой страсти. Муза не оставляла поэта ни на миг. Карантин, который устроил Рок, сводил на нет все его попытки уехать из Болдина. Он снова и снова возвращался от кордонов к ней и писал так, как никогда до этого не писал. Он ликовал и упивался их страстью, Муза — надеялась. Она верила, что эти три месяца позволят ему сделать правильный выбор.

...

Он не оценил её порыв. Страсть к первой красавице оказалась сильнее. Страсть или Гордыня? Он так и представлял, какие у всех будут лица, когда они войдут в бальный зал. Он — и Она! И ничего, что она выше ростом.

Поэт вернулся в Москву, женился, стал жить в Санкт-Петербурге, но семейная жизнь и денежные хлопоты всё больше и больше затягивали его в суету жизни, разлучая их — его и Музу.

«Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мной начатую, и которая доставит мне деньги, в коих я имею нужду», — писал он 30 июля 1833 года управляющему III Отделением А. Н. Мордвинову.

Так он объяснил всем, почему через три года ему снова надо быть в Болдине. И если первое затворничество в Болдино в 1830 году — на три месяца — случилось против его воли, то второго — в 1833 — он искал сам.

— Муза, я вернулся! Где ты?! Я мечтал о Тебе! Я страдал — ужасно! Я всё бросил к чертям и приехал, чтобы мы были вдвоём! Только ты и я! — он кинул плащ и цилиндр прямо у входа и бросился по комнатам искать её.

Она сидела у окна поникшая, несчастная. «Словно чахоточная дева», — пронеслось в его голове, а сердце сжалось. Как он мог так с ней поступить? Поэт приник к её ногам, положил голову на колени и исступлённо бормотал, целуя нежные руки: «Я всё исправлю! Я буду жить здесь и писать, писать! Мы будем вместе! Я буду служить тебе неустанно! Я перееду в Болдино! Навсегда!»

Она слабой, словно безвольная веточка, рукой гладила так любимые ею упругие кудри, всматривалась в его лицо. Как много боли и отчаяния там залегло! В скорбно проявившейся сеточке морщин возле глаз она прочла обо всех бедах, связанных с закладыванием и перезакладыванием имения, поиском денег для выездов столь дорогой супруги, о многочисленных иждивенцах и отсутствии времени, необходимого для творчества.

— Бедный ты мой! — прижала его голову к своей груди Муза. — Я помогу Тебе!

И они снова были вместе. Они снова поддались безумству творческой страсти. Он огромными кубками пил счастье, но нотка горечи присутствовала, как неотвратимая разлука. Полтора месяца в Болдине снова стали для Поэта одним из самых продуктивных периодов его творчества. Но это было уже не то, что три года назад, когда был он волен и свободен.

...

В третий раз он приехал к ней через год.

— Где ты? — снова бросился он по комнатам усадьбы. Везде шёл ремонт. Он в отчаянии ходил по дому и нигде не мог найти её.

Она оказалась в вотчинной конторе. Туда на время ремонта перенесли его диван. Её хрупкое, почти детское тельце лежало, свернувшись комочком. Сердце Поэта не просто содрогнулось, оно остановилось от предчувствия беды.

Он обливал слезами её невесомые прозрачные руки, клялся в любви и верности, но она почти не слышала. Лёгкая улыбка тронула её губы, когда его губы приникли к её безвольной кисти.

— Я дождалась! — печально сказала Она и... исчезла...

...

Шёл январь 1837... Поэт сидел у камина, и искорки огня отражались в его глазах демоническим светом. Он даже не повернул голову, когда его гость вошёл.

— Я ждал вас, Жорж! Вы должны помочь мне, — сказал Поэт и повернул уставшее, истерзанное муками лицо к вошедшему.

Когда он изложил свою просьбу, руки гостя мелко затряслись, глаза стали безумны.

— Почему я должен на это пойти?

— Мне больше не к кому обратиться... Муза больше не приходит ко мне, а без неё Поэту жизнь не нужна...

— А Натали?

— Царь позаботится о ней и детях лучше, чем это способен сделать поэт, от которого отвернулась муза, — с горечью отвечал Поэт.

— Но почему я?!

— Вы — мой свояк. Вы заступитесь за честь семьи! Ни к кому из друзей я не могу обратиться: свет не поверит! А с вами... я уже всех подготовил. Ни у кого — даже у потомков — не должно быть никаких сомнений!

— А как мне жить после этого? Убийцей поэта? Меня же будут проклинать все!

— Жорж... Это ваш долг... я разрешаю рассказать об этом только вашей супруге — сестре Натали. Она поймёт.

Александра ШАРОВА

Семнадцать по пять и две по одной

— ... И в офисе наших конкурентов, — с плохо скрываемым торжеством возвестил Николай Сергеевич, — прямо сейчас проходит обыск и изъятие документов!

По залу заседаний прошуршал вздох изумления, приправленный плохо скрываемым злорадством. А директор рекламного агентства продолжал:

— Уж не знаю, что они там учудили, но к нам сегодня обратился их крупнейший заказчик — известный химический холдинг, у которого в связи с этой пренеприятной историей (многозначительная улыбка) горят сроки запуска рекламной кампании нового репеллента РСПД-23/8. Что за смех? Не вижу повода! Всего лишь «Репеллент системного пролонгированного действия версия 8 от 2023 г.». Вы что, хотите им посоветовать прямо под такой торговой маркой запускаться? В нашей стране даже сами знаете что называют «Тюльпан» и «Гиацинт». Хотя, честно говоря, запах от этого репеллента такой, что его можно было бы Министерству обороны поставлять, если бы не Конвенция о запрещении химического оружия. Конечно, заказчик готов доплатить за срочность, если мы берёмся выполнить работу за одну неделю. Два дня на товарный знак и идею рекламного ролика, четыре дня на съёмки. Время на ТВ у них заранее проплачено, обратной дороги нет. Это вызов. Работаем не так, как вы, коллеги, привыкли — тянуть резину и клиента измором брать. Тут нужна идея, которая зайдёт с первого раза. Предварительная встреча с заказчиком и обсуждение вариантов завтра в девять утра. — Общий вздох ужаса и негодования.

— От себя добавлю: тот, чьё предложение будет завтра одобрено, получит премию в сто тысяч рублей.

— ... Нет, лучше круглый трёхъярусный из бисквита с кремом, ягодами, глазурью и мастикой. И в бело-лавандовых тонах.

Димон грустно вздохнул. Ему, честно говоря, вообще было всё равно, какой торт Наташка выберет на свадьбу. Ему бы и медовик в коробке из соседнего SPARa вполне зашёл. И денег жалко на всю эту ерунду, на костюм, который он

никогда больше в жизни не наденет, и на свадебное платье. И на дурацкие цветочки-бантики. На все эти англосаксонские заморочки, глубоко чуждые русской душе выходца из славного города Кулебаки. Лучше бы расписались по-тихому да съездили потом вдвоём куда-нибудь, не на Канары или Мальдивы, конечно, но хоть в Турцию или в Крым. Но денег и на свадьбу, и на поездку всё равно не хватало.

— Эх, — вернулись его грустные мысли к работе, — придумать бы до завтра что-нибудь такое про мух и комаров!..

... По грунтовой дороге между только-только начинающих зеленеть берёз, неспешно поскрипывала немолодая двуколка. На козлах солидно и вольготно разместился необъятный задместный мужик. На фоне его серого потрёпанного зипуна из грубого сукна, свежей зелени березняка и удивительного голубого для средней полосы неба особенной чернотой выделялась господская крылатка и абсолютно неуместный в глубинке немытой России цилиндр. Но он, этот цилиндр, был очень нужен. В сочетании с бакенбардами именно он обозначал всем известный профиль солнца русской словесности. Барин ёрзал на жёстком сиденье и непрерывно махал руками, как будто совершая магические пассы и стараясь наложить заклятье на ужас Тверской губернии — гудящее облако твёрдых и крупных, как семечки, комаров. Как поклонники после рок-концерта (до которого ещё двести лет) пытаются хоть прикоснуться к кумиру, хоть ниточку от его костюма оторвать, комары пытались испить кровушки поэта. Наверное, чтобы детям и внукам потом рассказывать:

— Не поверите, кого только мне в жизни кусать не привелось!

Мужик с сочувствием оглянулся через плечо. Зипун, лапти с обмотками и борода до глаз защищали его от родной природы почти как скафандр космонавта за бортом МКС.

— Что, барин, заели? — спросил он довольно равнодушно. — На вот, ослобонись!

И протянул (наезд камеры) белый флакончик с хорошо знакомой зрителям чёрной завитушкой подписи и профилем, выполненным одним штрихом гусяного пера. «Репеллент Александр Пушкин». На фоне молодой зеленеющей листвы побежали по экрану знакомые строки:

Ох, лето красное! любил бы я тебя,

Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

— ... Да, Дмитрий, примите поздравления. Честно говоря, не ожидал. Хорошая работа. А учитывая, что эта тема в следующем году, к 225-летию Пушкина, станет модной, и заказчик это сразу сообразил, начинаю думать, что мы мало с него запросили.

Николай Сергеевич думал уже о другом — где и как снимать будет. Кого позвать на роль ямщика, а кого на Пушкина? Пореченков с Хабенским?

А дальше... С таким их креативом, как РСПД-23/8, работы с этим гигантом химиндустрии хватит агентству на всю жизнь.

... На журнальном столике лежали семнадцать бумажек по пять тысяч и две по одной.

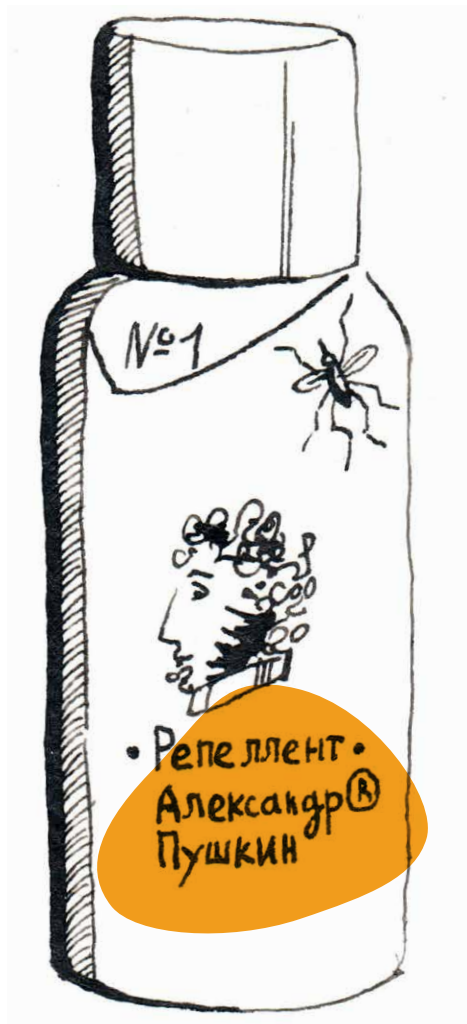
«Конечно, — думал Димон, — когда они СЕБЕ премии платят, наверное, подходящий 13% не вычитают. Да ладно, и так хорошо. Просто как с неба деньги упали! Вот говорят, что в школе много лишнего учить заставляют, а только как догадаешься, что лишнее? Будет теперь у Наташки и платье это дурацкое с бантиками и фатой, и торт трёхъярусный, и родственники с подругами в ресторане (год копили!), да ещё и свадебное путешествие!»

Давно у них друг от друга не было секретов. Какие тут секреты, когда уже целый год два провинциала, не то чтобы собравшиеся покорить столицу, но в надежде на другую, лучшую, яркую и суетную жизнь, съехали в однушку в Люберцах. Пусть совсем маленькое, пусть выходящее окнами на глухую стену огромного торгового центра, но первое в жизни «своё» жильё. В котором делать они могут всё, что сами захотят. Как говорила мама Димона о счастливом времени в шестидесятых, когда семья переехала из полуподвальной коммуналки в свою первую отдельную хрущёвскую панельку — «Хоть голым по квартире ходи!»! Никто им не указ. Это сегодня он один случайно — Наташка на родину подалась, подружек и родственников на свадьбу приглашать. А у него образовался свободный вечер, чтобы о жизни подумать.

«Нет, не скажу до загса. Пусть это ей будет сюрпризом. Отмучаюсь на свадьбе, вот тут и будет нам настоящий праздник — проводим гостей и пойдём в агентство выбирать путёвки. Море, солнце, и мы вдвоём!» — он ведь свою Наташку по-настоящему любит. В Москве таких не найдёшь — как раз из тех, которых, как в народе говорят, находят не в хороводе, а в огороде. Да и где эти огороды в столице? Вот и знакомятся люди в сети, в офисах или того хуже — на дискотеках. А они в очереди познакомились, когда временную прописку оформляли. Он сразу понял — вот такая ему и нужна, среди суетной столичной жизни поддержка и опора. Простая, надёжная, честная, на всю жизнь! Ну, залетело немного дури в голову с этой свадьбой, лимузином и голубями, но природная практичность и провинциальная душевная чистота всё равно своё возьмут.

Приятные мысли утянули тихо в сон, которому не могли помешать ни синтетические сполохи реклам соседнего торгового центра, ни винегрет звуков от роликов Tik-Tok и YouTube из-за стен соседних квартир. Последнее, на что они смотрели, снимая комнату, была звукоизоляция. А первое, конечно, цена.

Разбудило Димона среди жаркой июльской ночи деликатное прикосновение к ноге, торчащей из-под простыни. Кошки в доме не водилось, и осознав, что в комнате он не один, менеджер по рекламе и любящий жених подскочил на кровати.

В ногах у него сидел... Нет! Этого не может быть! В ногах у него сидел и грустно улыбался сам Александр Сергеевич, не по погоде одетый во фрак и цилиндр. Та самая крылатка была небрежно наброшена на спинку стула, на которой с вечера развалились ношенные домашние джинсы хозяина квартиры.

— Ну что, Дмитрий, — спросил с укоризной в голосе поэт, — и не стыдно Вам? Ну право слово, чем я лично перед Вами провинился? Ничем, кажется. Вы вот даже за «У лукоморья дуб зелёный» высший балл получили в детстве в лицее своём провинциальном. Я бы, честно говоря, вас за это поношение с репеллентом непременно на дуэль вызвал, но моё нынешнее бестелесное состояние, сами понимаете, мне этого сделать не позволяет. Сажу на Вашем ложе уже битый час и наблюдаю, как Вы спите сном праведника, и совесть за то, что в корыстных целях воспользовались именем совершенно неповинного человека, Вас, как вижу, не мучает. Ну, найдите в себе силы, сударь, посмотрите мне в глаза и объяснитесь.

Посмотреть в глаза? Да у Димона дыхание от ужаса перехватило, а слова вообще застряли где-то глубоко-глубоко в горле. И хотя тень поэта не проявляла враждебности, жуть накатила такая, что и мысли в голове боялись шевельнуться.

— Что же мне с Вами делать? — продолжала размышлять вслух тень великого поэта. — Ну, сделанного не воротишь. Этот химический гигант со своими горящими сроками (поэт мимоходом показал неплохое знание деталей устройства современного мира) на попятную, конечно, не пойдёт. Но лично Вы? Ваша бессмертная душа? С ней-то что будет? Так и хочется, сударь, наложить на Вас епитимью. Например, каждую ночь буду Вам снится. Нет, это не годится — времени у меня хоть и целая вечность, но тратить его на начинающего менеджера по рекламе не хочется. Или вот — могу на год заставить Вас говорить только моими стихами. Это будет презабавно. Да, конечно! Только не теми стихами, что я за всю жизнь написал — с моим словарным запасом в 21 тысячу слов Вы бы, пожалуй, и приспособились. А только теми стихами, что помните прямо сейчас из курса литературы лица номер три города (прости, Господи!) Кулебаки.

Хоть Димон и не мог шелохнуться от ужаса пред лицом солнца русской словесности, мысли в его голове стали понемногу оживать.

Из школьного курса?

— *Мой дядя самых честных правил...*

— *Я вам пишу, чего же боле...*

— *Златая цепь на дубе том...*

— *Я памятник себе воздвиг нерукотворный...*

И, наконец, совершенно не применимое в двадцать первом веке:

— *Жил был поп,*

Толоконный лоб.

Пошёл поп по базару,

Посмотреть кой-какого товару...

Сердце его сжалось от ужаса.

Нет! Не выживу. На одну Наташкину зарплату не протянем. Меня ведь даже в дворники теперь не возьмут!

Превозмогая немоту, с трудом подбирая слова и выталкивая их из судорожно перехваченного горла, Димон по-бабьи запричитал:

— Пощадите, милостивый государь! Не погубите меня и невесту мою. — Не по злобе — по глупости поступил! И денег мне этих не нужно!

Тут слабой трясущейся рукой герой наш смёл с прикроватной тумбочки на пол семнадцать бумажек по пять тысяч и две по одной.

— Не оставьте без пропитания. Без сотовой связи не оставьте, она ведь не даровая нынче, — сгинет от горя и неизвестности мать моя в Кулебаках-городе! Ведь я сын её единственный! Невесту мою Наталью пожалейте — безвинная душа из-за моей корысти пострадает!

Димон совсем уже настроился в лучших традициях плакальщиц на похороны всё длить и длить свои завывания, вполне в народном и одновременно неожиданно современном стиле, но Пушкин остановил его нетерпеливым взмахом руки.

— Наталья? Невеста? Без денег, говорите? — На лицо поэта как будто набежала тучка. — А доход-то у Вас, сударь, есть? Деревенька какая-нибудь? Душ сколько?

— Какая деревенька? Дача на 6 соток, а душа одна, и та моя.

— Ладно, — вздохнул поэт. — Жаль мне Вас, Дмитрий, хоть и стоило бы проучить хорошенько. Так и быть, живите со своей Натальей. Только деньги Николаю Сергеевичу верните. Если брать не будет — хоть на паперти нищим раздайте. Ах да... с этим сейчас плохо. Ладно. Купите ценных бумаг — это нынче всё равно, что выкинуть. И помните — доброго моего имени больше не марайте. Да и с остальными классиками поаккуратнее. Среди нас и не такие отходчивые как я встречаются. А теперь спа-а-а-а-а-а!

... В 6:30 по звуку будильника Димон раскрыл глаза.

— Ой, ну приснится же такое!

Но радость от неожиданного богатства в душе всё равно померкла, да и семнадцать бумажек по пять тысяч и две по одной, несмотря на раннюю безветренную июньскую жару, почему-то не лежали на тумбочке, как вчера, а были в беспорядке раскиданы по всей комнате.

— Неужели было? Или почудилось? Как хорошо, что Наташке сказать не успел, с облегчением вспомнил он. Хоть бы знак какой увидеть — было — не было?

За окном, на ярко подсвеченной летним солнцем глухой стене соседнего торгового центра невозможно было не заметить выделяющийся неброскими цветами осеннего леса среди иностранных (или притворяющихся иностранными) брендов обуви и косметики билборд «Трёхдневные туры Москва — Большое Болдино. Путешествия по пушкинским местам».

Виктория СОСНОВСКИХ

Пушкин ушёл к другой

Юность, помноженная на весну, — пора прекрасная и одновременно безрассудная. Это подтвердит каждый, кто прожил на земле не менее четверти века. И даже приведёт доказательства, состоящие большей частью из засушенных между страниц своей жизни сердечных заноз, а возможно, даже осколков.

В моём четырёхтомнике (детство, юность, молодость, зрелость) тоже найдётся немало таких трофеев. А уж второй том полон историй, которые охотно подтвердят: юность — это время самых ярких впечатлений, смелых планов и несбыточных надежд.

Это вторая и очень важная ступенька опыта. Через неё порой хочется перемахнуть на скаку. Но такой акробатический этюд заканчивается разбитым лбом. Ну или сердцем. Эта история будет посвящена первой разновидности травмы.

Перенесёмся ненадолго в прошлый век. Кто-то сделает это с удовольствием (ностальгию никто не отменял). Кто-то со вздохом. И, возможно, на этом всё и закончится. Но я продолжу для тех, кого не пугает и не разочаровывает слово «девяностые».

Итак, шла весна 1999 года. Май. Мне недавно исполнилось семнадцать. Время, когда тело сидит за партой, а мысли находятся за окном. Когда учитель обнаруживает, что ты его уже не слышишь, и делает замечание твоей легкомысленности. Когда солнце с особенным жаром и старательностью пробивается сквозь оконное стекло, и ты радуешься, что сидишь на среднем ряду, потому что не нужно закрывать лицо тетрадкой. Но в это же время сама природа отвечает твоей юности свежестью изумрудной зелени, едва пробившейся через земляную корку и жёсткие почки деревьев. Это единство и взаимопонимание с природой не дают тебе ни единого шанса остаться дома тёплым субботним вечером. Тем самым вечером, когда следует взять себя в руки и сесть за письменный стол...

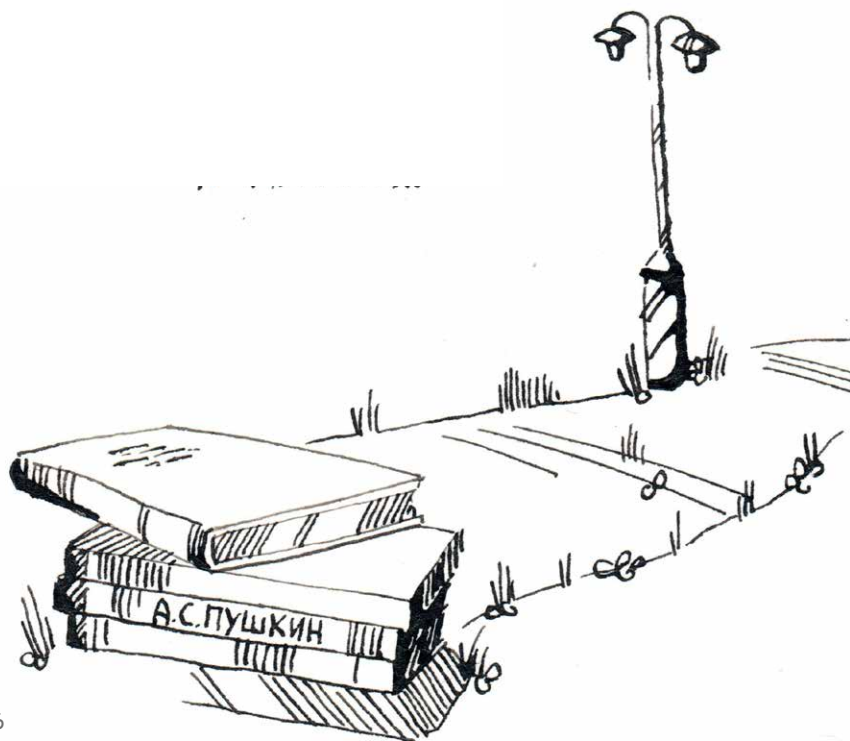
В старших классах я полюбила писать сочинения и делала это вполне успешно. Учительница была мной довольна. Часто зачитывала мои творческие размышления перед одноклассниками. И однажды

попросила меня совсем немного потрудиться — просто переписать уже готовое моё сочинение по «Капитанской дочке» Пушкина, чтобы отправить его на конкурс. Для этого мне был дан тёплый майский вечер. Разве это справедливо?!

Напомню, что мне семнадцать. И я с замиранием сердца жду знакомый рёв мотоцикла за окном. Я не слышала его ровно две недели. Потому что обладатель железного коня — студент, и уже целый учебный год мы можем видеться с ним только два субботних вечера в месяц. Я сижу на подоконнике рядом со своим письменным столом. И уже представляю, как красиво будут развеиваться мои волосы на ветру. И в этот момент в моей голове вовсе не останется места для Пушкина...

Стоит ещё заметить, что 90-е годы были вовсе не жирными в финансовом отношении. И грешным делом я подумала: а нужно ли тратить своё время на эту писанину, чтоб потом получить очередную коробку цветных карандашей? Мой опыт участия в конкурсах показывал, что столько цветных карандашей одному человеку просто не нужно. И я решила пожертвовать воображаемым трофеем. И впервые так жестоко обманула ожидания своей учительницы.

Но время шло своим чередом. Учебный год закончился. Позади остались все тревоги и волнения, связанные с оценками в аттестате.

И вот наконец-то выпускной! Нарядный актовый зал встречает вчерашних школьников, родителей, учителей. Песни и стихи о любви к школе периодически чередуются с выступлениями педагогов и чествованиями лучших учеников.

Посреди праздника на сцену неожиданно выходит директор местного банка. Она рассказывает, что во время учебного года проходил районный конкурс сочинений по произведениям Александра Сергеевича Пушкина и приглашает для награждения девочку из параллельного класса. На сцену поднимается медалистка Таня, известная своими математическими способностями. И на моих глазах Таню чествуют как победителя районного конкурса сочинений! Банкирша торжественно объявляет, что дарит победительнице полное собрание сочинений Пушкина! Перед моим взором как в тумане проносится картина: счастливая Таня стоит в растерянности посреди сцены, а несколько ребят выносят к её ногам вязанки из книг — прекрасное издание в твёрдом переплёте. Кажется, более двадцати томов.

Хочется произнести: «Занавес!» Вроде бы больше сказать нечего. Пушкин ушёл к другой. Но позвольте добавить ещё несколько строк.

Вскоре на сцену приглашают и меня. Благодаря, что весь учебный год я трудилась редактором школьной стенгазеты. И дарят огромную коробку цветных карандашей.

Александра ШАРОВА

Нет, весь я не умру...

Родственники и коллеги, которых набралось на удивление много, тихо стояли вокруг гроба, поставленного на кладбищенские табуретки с алюминиевыми, как в советской столовой шестидесятых годов, ножками. Все, поёживаясь под жёстким ноябрьским ветром, думали хором:

— Скорее бы это закончилось.

Кэрролловская Алиса, случись ей побывать на похоронах члена Союза писателей и Союза журналистов, обладателя множества литературных премий и участника неисчислимого количества телепередач о судьбах российской литературы Семёна Иванова, уже никогда бы не усомнилась в том, что «думать хором» возможно. Вот и думали, и терпели из последних сил неизбежный поздней осенью промозглый холод. Один выступавший сменял другого, и не было им конца. Как и любое постковидное офлайн-событие в остро-конкурентной писательской среде, даже похороны неизбежно превращались в самопрезентацию. И никто не мог отказать себе в удовольствии отметить в своём выступлении, скорбно, но мечтательно устремив взор в неприятное и безрадостное небо:

— Однажды мы с моим другом писателем Ивановым...

Во-первых, присутствующие представители прессы тебя отметят «был и выступал», напишут об этом в постах и репортажах, а потом и сотрётся в людской памяти, что Иванов был не ТОТ САМЫЙ, который «Золото бунта» и «Сердце Пармы», а какой-то другой. Кто же в наше время обращает внимание на такую мелочь, как инициалы?

А во-вторых, каждый член Союза писателей и каждый член Союза журналистов испытывал острое чувство счастья, что не он сейчас лежит на белой подушке с пошленькими кружавчиками. И что не его сейчас заколотят, опустят, засыпят и забудут навсегда. То, что процедура была совершена чинно и обстоятельно, а родственники были избавлены от трат на похоронную мишуру и поминальный обед, давало надежду, что и его собственные похороны будут достойными и, дай Бог, ещё не скорыми.

Да, кстати, и не без обнадёживающих новостей — ещё одно место в планах издательств освободилось. У нас

не пропадёт — много нынче пишущей братии на Руси. Не холодно было, пожалуй, лишь одному участнику событий — самому Иванову. Он, конечно, как бывший пионер, комсомолец, а потом (правда, недолго) и член КПСС, ни в какую загробную жизнь не верил. А верил он в прижизненный успех и немного в свою удачливость и чутьё на денежные темы и проекты. Но как бывший марксист не мог не признать, что против «реальности, данной нам в ощущениях» не погрёшь — Иванов всё слышал и даже, казалось, немного видел через неплотно сомкнутые веки.

Вот литературный редактор из издательства «Азбука — Атткус». Всё, кажется, чинно, но какой-то непотребно нарядный галстучек нацепил. Не скорбит, сволочь! Ничего, ещё полежишь на моем месте. А вот внучатая племянница Фенечка, полностью Ефросинья. Папаша — сестрин сынок, мелкий столичный чиновник, так всей душой впитал тренд на русское-разруское, что даже дочку не пожалел. Ишь ты, Ефросинья конопатая! В джинсах на похороны припёрлась, как на дискотеку, прячется за народ и в телефон пялится. Правильно я её в завещании не помянул вместе с её папашей.

Конечно, Иванов ещё из институтского курса всемирной литературы прекрасно помнил, что многие вполне серьёзные писатели подозревали, что за гробом всё не заканчивается. Сам Пушкин как-то неоднозначно высказывался, что, мол, «весь я не умру»... Но особенно пугал рассказ Достоевского «Бобок». Что же теперь, всю бесконечную НЕ-жизнь тут лежать и с соседями по могилкам сплетничать?

Иванов, насколько мог, не привлекая внимания скорбных провожающих, скопил взгляд на соседние могилы — справа на кресте фотография неприятной старухи. Степанова Елена Александровна (1924–2025 гг.). Пожила, старая перечница! Слева тоже старуха, но шрифт мелковат и фото только недавно прилеплено к серому неказистому параллелепипеду прямо скотчем.

— Новопреставленная, — всплыло архаичное слово в памяти Иванова. — Не повезло с компанией!

Но вышло всё не по Достоевскому, а вроде как по Пушкину. Как и обещано было в анонсах книг серии «Жизнь после смерти», а дальше анонсов Иванов про это ничего не читал, его вдруг стало затягивать в белый туннель. Причём явственно чувствовалось, что его неважные сосуды, желудок-предатель, постоянно последнее время напоминавший о себе, и больные колени остаются здесь, на кладбище. А отфильтрованная смертью часть ЕГО САМОГО, то есть того, что в нём и было по-настоящему Семёном Ивановым, тащит необъяснимая сила чёрт или бог его знает куда. Но точно в такое место, где не спросят с него ни паспорта, ни членского билета Союза писателей, ни кредитной истории. Потому, что и так о нём ВСЕ знают. И от этого полегчало на душе. Чего бояться? В принципе, неплохую, не подлую жизнь прожил Иванов. Может, не помогал сирым и убогим, не жертвовал литературные

премии на дома престарелых, но и зла особенного не делал. Тоже ведь заслуга — не каждому удаётся.

Что-то в этом мире, новом для нашего героя, с расстояниями было не совсем так. Хлопнул глазами, а уже где-то далеко-далеко. Не во Владивостоке, куда девять часов лететь, и не на Кубе, куда ездили в прошлом году представлять современную российскую литературу и чуть живые из самолёта выползали. Нет, это «далеко» было вообще не во времени и даже не в пространстве. Просто БЫЛО. И в этом не-месте и не-времени перед Ивановым маячила знакомая фигура Ольги, немолодой женщины из-под Рязани, приходившей убирать его квартиру один раз в неделю. Ольга была человеком такой непредставимой для российских писателей востребованности, что случись в квартиру Иванова неожиданный визит коллег или родственников, приходилось неделю терпеть груды грязной посуды до её следующего визита и наблюдать, как непредсказуемо ведут себя на немытых тарелках остатки продуктов. Некоторые, казалось, вообще отказываются портиться, и эта подозрительная нетленность наталкивала на мысли о непростых и, возможно, полукриминальных путях попадания продуктов на прилавки супермаркетов.

Наверное, никому так, как спокойной, скрупулёзно честной, надёжной и абсолютно предсказуемой Ольге, не обрадовался бы больше наш недавно упокоившийся герой:

— Оленька, а вы-то как здесь? Тоже умерли?

— Что вы, что вы, Семён Николаевич — прозвучал приятный, но какой-то не совсем настоящий голос, — я не Ольга. Я — привратная сущность. То есть состоящая при вратах Нового, как вы говорите, «загробного», мира, в котором вам теперь предстоит пребывать. По нашей доброй традиции, для облегчения адаптации вновь прибывших, принимаю форму человека, которому переселенец в наш мир доверяет больше других. Впрочем, это дело вкуса. Хотите, могу предстать в образе вашего друга поэта-песенника Степановского или, например, Данте. Вы ведь литератор, вам это должно польстить?

— Нет-нет, большое спасибо. Мне вполне комфортно. А подскажите, пожалуйста, это рай, ад или чистилище?

— Бог с вами! Рай, ад — всё это выдумки и суеверия. Впрочем, ваш вопрос по рейтингу входит в десятку самых часто задаваемых вторых вопросов.

—?

— Хотите про первый спросить? Первый — «...а вы-то как здесь? Тоже умерли?». Но не смущайтесь. Здесь от вас никто оригинальности требовать не будет. Мы, знаете ли, за время существования жизни на земле, за последние четыре миллиарда лет, всякого насмотрелись и без оригинальностей или, как нынче модно говорить, без «креатива», вполне обойдёмся.

— Четыре миллиарда? Это что, трилобиты, динозавры и мамонты тоже здесь? — изумился Иванов.

— Конечно, а почему вы думаете, что человек — венец творения? Соображает он, возможно, и лучше, чем вышеупомянутый трилобит, но вреда от него природе, а особенно подлости в межвидовых отношениях неизмеримо больше. Более того, здесь у нас и неодушевлённые, так сказать, объекты располагаются. Вот, например, можете почитать манускрипты и рукописи, погибшие в пожарах. Или посмотреть на все марки автомобилей, которые когда-либо выпускались. Причём, хоть в конвейерном варианте сборки, хоть в ручном.

Иванов потрясённо молчал, пытаясь осознать новый концепт Вселенной, напоминая ему более всего Аристотелевы «субстанции», как он запомнил это из курса философии. Кандидатскую написать он не собрался, а минимум по философии сдать успел, и после него образовался в голове писателя настоящий винегрет, а ещё впечатление, что маялись никому не нужной заумью люди не только в двадцать первом веке.

— А как со знаменитыми личностями?

— Ну, этой проблемы не существует. Все тут. Благо в нашем мире языкового барьера нет. Наш единый всеми понимаемый язык мешает, конечно, восприятию литературных достоинств произведений каждого отдельного автора на языке оригинала, но этими мелкими неудобствами приходится пренебречь.

— И Фёдор Достоевский?

— И Фёдор Достоевский.

— И Пушкин?

— Ну конечно же, и Пушкин.

— А чем же они у вас тут занимаются? Беседуют друг с другом?

— Уважаемый новоприбывший. Это австралопитеки могут рядом друг с другом находиться целую вечность, без вреда для их недоразвитых умственных процессов. Спать да есть. А люди, имеющие склонность к думанию и, особенно, к литературному труду, за пару сотен лет так друг другу надоедают, что всерьёз начинают искать, чем бы заняться.

— И чем же? Пишут?

— С этим сложно. Для вдохновения, как бы это помягче выразиться, нужно пополнение чувственного опыта, жизненные конфликты, кипение страстей... Так сказать, взлёты и падения духа. Любят ваши земные писатели, за исключением авторов дамских романов, конечно, чтобы всё было «между жизнью и смертью». А у нас с этим «между», сами понимаете... В общем, музы в нашем стерильном воздухе не летают.

Вот и находят себе необременительные занятия, каждый на свой вкус. Чужие писания читают и перечитывают, до чего при жизни руки не доходили. Ну и, конечно, те, которые после их перехода в лучший из миров были

написаны. На музыкальных инструментах всех эпох и народов играть учатся — на двести-триста лет хватает. Им, истинным творцам, здесь не просто приходится — новая реальность не способствует интеллектуальному труду. Сытые все и бессмертные. Впрочем, вы не переживайте — вас лично эта проблема истинных творцов не коснётся.

— А можно с кем-нибудь из них лично познакомиться?

— Это уж, батенька, вы сами. Наши полномочия заканчиваются на обеспечении мероприятий по бесконечному жизнеобеспечению (простите за тавтологию) вверенной нам бесконечной территории. Впрочем, рекомендую начать с Пушкина. Он, видите ли, при жизни самый беспокойный был, да и тут его угомон не берёт. Вот придумал себе забаву. В 2024 году был его очередной юбилей. Ну, не то, чтобы настоящий. Не 100, не 250 и не 500 лет, а всего-то 225. Но там у вас на Земле, видимо, в этот год был дефицит настоящих юбилеев. Вот и наплодили столько пушкинских сувениров, что, если бы не наши безразмерные возможности хранения, ими бы просто всё было засыпано, буквально всё! Вот и взялся Александр Сергеевич каталоги мерча составлять. Немало развлекается, рассматривая свои изображения на значках и футболках, сумках-шоперах и магнитиках. Да ещё других писателей баламутит — на своеобразную дуэль вызывает — кого из них самым нелепым образом изобразили. Почти настоящая дуэль. Зачинщик, вызываемый да двое секундантов. Вот четыре бессмертные души и при деле. Год-другой не маются от тоски.

— А женщины? Пушкин очень женщинами интересовался.

— Ну, уважаемый, вы переходите грань. Наше существование бестелесное и почти бесконфликтное, извините, никому не до дам. Даже самим дамам. В одночасье перестают беспокоиться о морщинах и целлюлитах. Только похваляются друг перед другом, сколько раньше в месяц оставляли у косметологов да в спа-салонах.

Ну, собственно, заговорился я с вами. Будем считать, что первоначальный вводный инструктаж мы осилили. Распишитесь здесь в журнальчике. Вот вам карта-путеводитель — и вперёд.

Иванов вздохнул, огляделся и пошёл искать Пушкина. Кажется, как и на земле в своё время, Пушкин и здесь оставался самым живым, а значит, самой-самой лучшей для него компанией.

Толпа родственников и коллег с облегчением покидала кладбище. Что печалиться? Хорошо пожил Иванов, да и помер легко. Нам бы так. Никому из них и в голову не приходило, что новая, настоящая и теперь уже не омрачённая простатитом и прогрессирующей близорукостью, вечным поиском модных тем и болезненными амбициями жизнь Иванова, в компании не только известных литераторов, но и вообще ВСЕХ когда-либо живших людей и животных, и ВСЕХ когда-либо существовавших на Земле вещей только сегодня началась по-настоящему.

Инна БАСКАКОВА

Сон Пушкина

Вот уже которую ночь ему снился один и тот же сон.

Стояла поздняя осень. На промёрзлую землю, сбитую в комья, выпал первый тонкий слой снега. Вечерело. Кибитка, влекомая ладной тройкой лошадей, на хорошем ходу приближалась к Арзамасу. Позади три месяца Болдинского затворничества, а впереди — любимая Натали... Вдруг кони резко остановились. Кибитку наклонило по инерции и сильно толкнуло. Александр Сергеевич, задремавший было под монотонное покачивание, резко завалился вперёд, и на него посыпались приготовленные заботливыми руками дворовых узелки с дорожной снедью, которые едва успел поймать дядька Никита, примостившийся рядом с барином.

Раздался недовольный густой бас ямщика: «Тпру! Стой, не балуй! А ну, пошла отсюда!» В ответ послышался странный смех.

— Что там ещё? — пробормотал не совсем проснувшийся Александр Сергеевич. — Никита, поди разберись, отчего стоим?

Вернувшийся через минуту дядька развёл руками:

— Барин Ляксандр Сергеич, не взывайте, вас требуют! Пытались сами справиться — нет мощи никакой.

Да что же такое?! Выбравшись из-под полога кибитки, Пушкин увидел такую картину: кони в упряжке стояли как вкопанные. Они перебирали копытами, роняли розовую пену изо рта, вздували на могучих шеях жилы, выворачивали глаза — и... не двигались с места! Поэт обошёл упряжь и узрел причину остановки. Прямо посреди дороги расположилась пожилая цыганка. Живописно завернутая в цветные тряпки и платки, припахнутая сверху ветхим зипуном, она, посмеиваясь, держала перед собой маленькую смуглую руку ладонью вперёд. На ладони красовалась татуировка в виде глаза. Цыганка лукаво щурилась, скалила прокуренные зубы и тараторила скороговоркой:

— Ай, барин, позолоти ручку, всю правду расскажу, яхонтовый мой! Всё вижу, всё знаю, всё ведаю! Вижу, под венец идёшь ты, соколик мой, идёшь и сам не ведаешь, что творишь! — Цыганка многозначительно замолчала.

— Никита, — позвал поэт, — дай гадалке рубль и поехали!

— Рубль! — ахнул дядька. — Да за какие же это заслуги? Целый рубль серебряный!

— Делай, что велено, не рассуждай!

Сокрушаясь, дядька Никита достал рубль и засеменил к гадалке, но та отказалась принять деньги из рук слуги.

— Нет, только сам, сам, соколик мой, подай мне монету! Или останетесь здесь, кони дальше не пойдут!

Не споря с полусумасшедшей старухой, Пушкин протянул ей рубль. Она жадно вцепилась в деньги и подняла на него свои странные, казавшиеся прозрачными, глаза с тонким чёрным хищным зрачком. Нос у неё вытянулся, морщины проступили явственнее, и каким-то очень знакомым, скрипучим голосом она произнесла: «Смерть свою ты примешь от белого человека, белой лошади, на белом снегу. И невеста твоя в белом совсем не та, к которой ты так рвёшься сегодня!»

Поэт вспомнил, как давным-давно, весёлым беззаботным юношей он со своими лицейскими друзьями отправился в Петербурге к прорицательнице госпоже Кирхгоф узнать будущее, подразнить судьбу. После гадания на кофейной гуще именно таким скрипучим голосом она предрекла поэту, кроме всего прочего, принять смерть «от белой головы»... И вот здесь, вдали от блистательного Петербурга, в забытом богом медвежьем углу — в Арзамасе, через столько лет — опять, почти те же слова! И тот же голос!

— Но горю твоему можно помочь, — доверительно заскрипела старуха. — Вот кольцо заговорённое, в древних водах омытое, у восточных магов взятое — оно развеет злые чары, как только ты наденешь его на безымянный палец левой руки своей возлюбленной!

И цыганка ловко натянула поэту на мизинец чёрное, матово поблёскивавшее агатовое кольцо.

Пушкин открыл глаза. Приснится же такое!

Опочивальня была залита светом. Сквозь белоснежную кисею занавесок солнце чертило квадраты на наборном паркетном полу. Он повернул голову. Рядом на кружевных взбитых подушках Пушкин увидел прелестный профиль прекрасной, нежной, обожаемой Натали. Нагнувшись, он поцеловал тёплый завиток на щеке любимой, она улыбнулась во сне. Пушкин вспомнил — его свадьба была вчера, он был счастлив!

Поэт протянул руку к хрустальному стакану с водой, стоявшему на прикроватном столике, и что-то звякнуло о стекло. Он поднёс руку к глазам — на мизинце чернело кольцо из агата. Так это был не сон?! Пушкин брезгливо сорвал подарок цыганки и швырнул его на пол. Ударившись об пол, кольцо рассыпалось на мириады чёрных осколков в пыль...

Жизнь продолжалась...

Марина ВОСТРИКОВА

О пользе нежити и сказках Пушкина

Мельчает народишко. Никакого уважения к нам, жителям потустороннего мира, не стало. Раньше у нас дел было не впрокорот. Чуть что у кого не заладилось — к нечистому за помощью обращались: чёрт, возьми. Если кто-то что-то не понял, возмущались: чёрт знает что, чёрт ногу сломит, чёрт разберёт... Коли с собеседником поспорился, его же, болезного, на исправление посылали по известному адресу — к дьяволу. А сегодня подорожную только «на» или «в» детородные органы выписывают. И всё мимо нас.

Скучно

Раньше-то у людей был целый свод правил общения с нами. Пока зеваешь сладко — открытый рот перекрести, вход шишу крестом перекрой. Чихнёт кто или сам чихнёт — здоровья пожелай. Чтобы гости непрошеные не сглазили, над дверью пучок чертополоха повесь, под порогом семена льна рассыпь. Если придётся мимо болота, чащобы или заброшенной церкви пробираться, так в кармане кукиш держи — так и быть, тебя уж не тронем. А пуще всего жители Нави матерной брани терпеть не могли, потому как она нами к молитве святой приравнивалась и полное презрение к нам выказывала.

Обидно

А ведь всего лет двести назад, я тогда ещё бесёнком был, переживала наша братия золотые времена. Полное уважение к колдунам, чародеям, чертям, ведьмам, домовым, оборотням, русалкам, мертвецам сам Александр Сергеевич Пушкин выказывал! Сколько он стихов, поэм, повестей, романов и драм о нас написал!

Что значит: «я вру»?! А вот «Бесы»! Читай:

Бесконечны, безобразны,

В мутной месяца игре

*Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?*

Ну точно, как на наших свадьбах: жёлтый свет, запах серы, метель, визги...

Весело

А вот это. Что за прелесть! «Утопленника» узнаете?

*Из-за туч луна катится –
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,*

*Взор открыт и недвижим,
Все внем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились...*

«Русалка», конечно, выглядит поприятнее:
*... легка, как тень ночная,
Бела, как ранний снег холмов,
Выходит женщина нагая
И молча села у берегов.*

Забавно

А сколько нашего брата «живёт» в «Руслане и Людмиле»! Волшебник Черномор, кудесник Финн, колдунья Наина, ко всему прочему, говорящая голова витязя, живая и мёртвая вода... Не обходится без чертовщинки и в «Сказке о золотом петушке». Кто же может устоять против чар Шамаханской царицы? Мудрый звездочёт-скопец — и тот попал в её магические сети.

Занятно

Но «в своей тарелке» я себя чувствую только в «Сказке о попе и работнике его Балде». С удовольствием вспоминаю дни своего детства. Ах, каким же я был наивным сто девяносто лет назад! Где и когда могла родиться эта история? Только в Большом Болдине, в дни эпидемии холеры, 13 сентября 1830 года. После ссоры с будущей тёщей прошло чуть больше двух недель. Кто знает, может, Александр Сергеевич отчасти наделил попадью повадками Натальи Ивановны Гончаровой (Загряжской). Дед мой, Чёрт старый, тоже хорош! Бросил меня, как в топку, в сражение с хитроумным Балдой. Я и море вокруг беги, и лошадь на плечах снеси, и камень за тучку забрось. Понял я тогда, насколько коварны бывают русские мужики. А деду за мою немощь пришлось-таки расплатиться — отдал оброк попу. Впрочем, тот по жадности и воспользоваться им не успел, потому как с чертями связался.

Поучительно

Нет, зря людишки не берут нас в расчёт. Мы, как гвоздь в ботинке, как хлебные крошки на простыне, как комар в палатке, как кофейное пятно на белой блузке, не даём расслабиться и учим предвидеть последствия любых деяний на три шага вперёд. Так что не торопитесь, граждане, списывать нежить с баланса жизни.

Виктория ТРАВКИНА

Еда давно минувших дней, застолья старины глубокой, а также хитин, лигнин и целлюлоза в произведениях А. С. Пушкина

*Саранча летела, летела
И села.*

*Сидела, сидела — все съела
И вновь улетела.*

*Коллежский секретарь А. С. Пушкин
(из отчёта М. С. Воронцову)*

В моём литературно-гастрономическом эссе речь пойдёт о еде, приготовленной на «литературной кухне» величайшего мастера слова — Александра Сергеевича Пушкина. Да простит мне читающий мир вольное переложение известной фразы из поэмы «Руслан и Людмила», написанной, как известно, юношей двадцати лет отроду, но это как ни крути — хит, а судьба хитов — ремейки.

Касаемо настолько лаконично описанных, а на деле совсем не лаконичных движений саранчи, вызвавшей в 1824–1825 годах голод в Малороссии, Крыму и Херсонской области, так, по всей видимости, двадцатипятилетнего Александра сия ситуация не особо волновала, хоть и был он государственным чиновником. Либо он, по некоторым сведениям, там вообще не был, либо был настолько прозорлив в понимании того, что любая людская борьба с «летающими челюстями» будет проиграна. Но уж точно вряд ли он мог представить, что по истечении двухсот лет насекомые будут возведены в ранг супер-фуда или еды будущего. Хотя, если мы посмотрим в библейские тексты,

то увидим, что употреблять саранчу и кузнечиков в пищу Библия разрешает, но, по всей видимости, голодающим российским крестьянам начала XIX века такое в голову не приходило. Времена, однако, меняются.

Но самое интересное, что с тех самых пор насекомые всегда присутствуют в сочинениях писателя и, можно сказать, идут рука об руку с его творчеством и личностью. Не так давно, а именно в 2020 году, нашествие саранчи вызвало на родине чернокожего предка Александра Сергеевича — Абрама Петровича Ганнибала, в Эфиопии, ужасающий голод миллионов людей. Что же касается России, то с появлением у граждан обилия экзотических питомцев появилась потребность в натуральном корме. Любые рекламные газеты пестрят объявлениями о продаже живой, мороженой, сушёной и вакуумированной перелётной саранчи. Однако налёт этого крупного кузнечика не перестаёт считаться стихийным бедствием и в нашем XXI веке.

Во времена Александра Сергеевича, конечно, никто о таком использовании саранчи и не подозревал и даже не помышлял, по крайней мере, в пределах России-матушки. А если уважаемый читатель сего опуса подзабыл, в чем сходство саранчи и, к примеру, маринованных опят или маслят, так любимых нами «на закусочку, да под водочку», так это не беда, нужно просто открыть учебник биологии для пятого класса. Именно там мы и найдём, что оболочки клеток грибов состоят из хитина, прямо как крылья и панцирь саранчи. А деревья и всякая растительность состоят из лигнина и целлюлозы и успешно потребляются в пищу этими самыми грибами и насекомыми. Биологический ликбез на этом позволю себе закончить и перейду к результатам исследования творчества Александра Сергеевича.

Стоит отметить, что, например, в той же сказке А. С. Пушкина «О царе Салтане...» насекомые, панцирь которых состоит из хитина, упоминаются несколько раз. Аналогично этому в сказке столько же отсылок к застольям или пирам. Начиная практически с первых строк, автор отсылает нас к мечтам о пире «на весь крещёный мир», что впоследствии свяжет мечтательницу с профессией повара. Что же касается остальных застольных упоминаний, то гостей (то есть купцов определённой гильдии) кормят, поят и развлекают рассказами. Причём эти застолья происходят регулярно по прибытии на места торговли. Что же касается упоминаний хитинсодержащих насекомых, то их три: это комар, впившийся в правый глаз мечтательницы-повара; муха, севшая на левый глаз мечтательницы-ткачихи и шмель, ужаливший в нос Бабариху (тут видны познания автора в биологии, потому что шмель после укуса не теряет жало, поэтому насекомое не умирает, как если бы это была пчела или оса).

И все изрядно поевшие и выпившие гости, конечно, не в состоянии поймать летающих насекомых, что говорит об обильности застолий и возлияний.

Прямой отсылки к меню сказочных пиров автор не даёт, поэтому сказочный «пир на весь крещёный мир» каждый может себе представлять по-разному,

но необходимо понимать, что практически каждый второй день крещёного мира являлся постным. Мяса и птицы на столе быть не могло, а вот рыбы, икры, грибов, пирогов, различных каш, квасов, солений, мочений и всякой другой всячины было в изобилии. Кстати, если мы посмотрим мультфильмы советского периода, созданные по сказкам А. С. Пушкина, то увидим простые на вид яства, но в красивой праздничной посуде. Например, по сказке «О царе Салтане...» снято два мультфильма: первый 1943 года — черно-белый, а второй 1983 года — цветной. Причём один и тот же авторский текст в мультфильмах подаётся совершенно по-разному, что просто замечательно, и нужно обязательно посмотреть оба мультфильма, чтобы почувствовать разницу в сорок лет. При просмотре мультфильмов желательно запастись сушёными кузнечиками, чтобы и ваш организм мог насладиться новой супер-едой.

Вообще, тема еды нередко поднимается Александром Сергеевичем, который, как свидетельствуют многочисленные современники, хотя привередлив в еде не был, но в удовольствии покушать и попить кваску или шампанского себе не отказывал. Например, в славном городке Торжок в гостинице Пожарских он любил перекусить пожарскими котлетами. А в «Евгении Онегине» герой как раз спешит откусать хитина, содержащегося в грибах, причём не в абы каких, а в трюфелях, которые и сейчас являются дорогостоящим деликатесом. Мало кто заметит, что и Лимбургский живой сыр без определённого рода плесневых грибов не приготовишь. Да и ни вина, ни хлеба, ни кваса без грибов не сделаешь. А уж ананас золотой так и вообще — многолетнее травянистое растение семейства Бромелиевых, а это прямой отсыл к целлюлозе и лигнину, входящим в состав клеток растений.

Вот и добралась я в своём небольшом эссе до растений. Не буду присваивать себе строчки чужих монографий на тему «Растения в творчестве А. С. Пушкина», но позволю себе углубиться под землю рядом с деревьями, кустами и травой. Есть у меня догадки, что, гуляя и смотря на «дуб уединенный» или на «в багрец и золото одетые леса», Александр Сергеевич не мог не заметить, к примеру, белых грибов, груздей или мухомора красного, и прочих других хитинсодержащих микоидов, образующих микоризу с корнями дубов, берёз и прочих деревьев и очень помогающих их надземному существованию. Не в ущерб, конечно, своим грибным потребностям.

Конечно, явление микоризы было описано на полвека позже, но видеть-то и собирать грибы Пушкин мог и очень любил жёлтую осеннюю целлюлозу, опадающую с берёз, которая впоследствии прекрасно разлагается и служит питанием для множества хитинсодержащих организмов. А, к примеру, летний зной с его комарами да мухами поэт явно недолго любил, о чём и писал совершенно открыто. И скорее всего, поэт мог присутствовать при

засолке грибов на зиму, то есть заготовке хитина впрок он не был чужд. Тут можно упомянуть ещё и разновидность пшеницы под названием полба, которой просил себя кормить Балда из сказки «О попе и работнике его Балде». Что касается этой самой полбы, так и она сейчас, в XXI веке, возводится в ранг супер-пищи. Всего лишь двести лет прошло, и нутрициологи рекомендуют полбу употреблять чуть ли не ежедневно. И если принять к сведению ситуацию с голодающими на исторической родине предков Александра Сергеевича, посылают им туда исключительно пшеницу, но, к сожалению, не полбу. Да и ананасы у непросвещённых ещё в почёте — ешь, сколько можешь, для сжигания жира, пока губы не разъест. А приверженцам «кремлёвской диеты» никак без Пожарских котлет и «ростбифа окровавленного». Тактично промолчу о стоимости порошка чёрного трюфеля в грибных интернет-аптеках, ещё тактичней промолчу о стоимости блюд с чёрными трюфелями.

Тут, пожалуй, сделаю некоторое отступление насчёт чёрных и белых трюфелей. Не нашла никаких доступных исследований по этой теме, но с учётом того, что рекламную кампанию белого трюфеля провели уже в XX веке, считаю, что Пушкин писал именно о чёрных трюфелях. И, что самое интересное, эти самые чёрные трюфеля и образуют микоризу с возрастными дубами и, вообще-то, растут и у нас в России. И, пожалуй, тут не обойтись и без нашей Нижегородской ярмарки, о которой написал поэт, с её поддельными винами и блюдами с якобы черными трюфелями, вместо которых господам демонстрировались «грибы похожие на...». Хотя это достоверно не известно. Если у вас, дорогие мои читатели, имеются какие-нибудь документальные сведения по данному вопросу, уж будьте так любезны — поделитесь, пожалуйста. А если у вас имеется собачка, на трюфеля натасканная, так пойдёмте скорее эти самые «трюфли» искать, пока дубы все на дрова не попилили. Не найдём «трюфлей» под дубами, так найдём «златую цепь» из трутовика серно-жёлтого на самих дубах. Заодно и пробу на ней поставим.

P.S. Написала я своё небольшое, но ёмкое эссе и задумалась. Ведь получается, что Александр Сергеевич Пушкин не только певец души человеческой, а ещё и эколог, и диетолог, и биолог, и, не побоюсь этого слова — провидец. Ох и тяжело же быть гением. От себя же хочу добавить — читайте Пушкина между строк. И пусть откроется Вам этот загадочный мир Междустрочья.

Список использованной литературы

1. А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах.
2. Материалы к конференциям Пушкинского заповедника «Михайловское».
3. Учебник биологии для 5 класса.

Евгений СТРЕЛКОВ

Парафраз Перечитывая Пушкина

Из Пиндемонти

По прихоти своей скитаясь здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И перед замыслом иного саунд-арта
испытывать знакомый пыл азарта —
Вот счастье, вот права.
История права, когда набрасывает тьмы полог
на тех, чья участь лишь оспаривать налог
или мешать царям друг с другом воевать...
Друг милый, трафаретная печать,
пьянящий запах краски, пласт бумаги
не требуют особенной отваги,
но просят от тебя всей тонкости души,
туда спеши!

Плавание

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге —
как росчерк на листе линованной бумаги.
Но чу! Матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны,
Громада двинулась и рассекает волны.
Плывёт. Куда ж нам плыть?
Когда и там, и тут
жарю пышущего юга
красоты, спелые плоды,

и баснословные гряды —
забыта северная вьюга!
Тревожат выпренных небес
подкладку радужные птицы,
покинув небывалый лес.
Скорее заполняй страницы
Всем, что привиделось, поэт!
Ведь это всё твои мечты,
что сотканы из пустоты.

Гимн

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И Гений, парадоксов друг,
И Случай, бог — изобретатель.

Когда прибора облучатель
Нацелится на дальний мир,
Где небо, море — всё иное,
Где тверди нет, один эфир
Пульсирует с могучей дрожью.

Тогда к хрустальному подножью
Аллегорических фигур —
Науки в девичьем обличи —
Я припаду, и о величьи
наук спою, как трубадур.

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Синеет даль, редеем бор,
И иней узор
Сребрит. Ниц стелется трава.
И, подтащив дрова
К печи в моей пустынной келье,
Я возратить пытаюсь веселье
Тобой, вино — осенней стужи друг...
Оборотясь вокруг,
Я вижу рощу, пруд.

Свой летний труд
Земля окончила, и вместе с нею — я.
Туман, как сон, на дальние поля
Идёт, смыкая травам вежды.
Но запоздалые надежды
Ещё кружат вокруг порой,
Как мошек рой.

Прозерпина

Плещут волны Флегетона,
своды гулкие дрожат.
Словно щедрый дар Плутона,
порождение гиротрона —
ослепительный разряд.
И мерцающие тени
падают на два лица.

Лаборантка в упоении,
сжав под юбкою колени,
поднимает напряжение
ручкой вправо до конца.
Лаборант, Адонис томный,
словно в мании любовной
погружен в эксперимент,
где магнитный вихрь кружится,
и отсвечивают лица
пламенем разрядов лент...

Ночь на институт нисходит,
и счастливцев за собой
из Элизия выводит сторож верною тропой.
Меж разрядников ветвистых,
мимо вольтовой дуги,
вдоль дьюаров серебристых,
в облаках азота мгlistых
под лучистые круги
ламп ночных — и открывает
дверь приветливой рукой,
доброй ночи им желает —
лаборантов ожидает
краткий утренний покой.

Имя

Что в имени тебе моём?
Оно, как камень в водоём,
в волну падёт, что в берег дальний
снесёт удара звук печальный,
расплещется, как пенный ком.

Оно на трепетном листке
растает, словно на песке
следы в прибое многоводном,
или — подобное в подобном —
исчезнет в новом языке.

Что в нём? Забытое давно,
как запылённое окно
в чулане дальнем иль кино
времен, роскошных и мятежных, —
как сон, развеется оно.

Но в день печали, в тишине
произнеси его, вовне
отправь сей звук небыстречный, —
и эхо, мой товарищ вечный,
тебе вернёт ответ сердечный.

Надежда ФИЛИППОВА

Три полуночные сказки

«Уж полночь близится»

А. С. Пушкин «Пиковая дама»

Сказка первая. Как поэт поэту

Людам для счастья всегда чего-то не хватает. Виталику это было отлично известно — и как профессионалу, и как одинокой мятущейся душе. Но про душу потом.

Как профессионал Виталик делал на чужом несчастье деньги. Не очень большие — большие делал шеф. Но и Виталику перепало.

Они с шефом продюсировали онлайн-тренинги. На мелочи не разменивались. Иностранные языки, упражнения для железного прессы и рисование акварелью — на этом много не заработаешь. Сколько вокруг людей, готовых полгода-год ишачить, чтобы в итоге чего-то там реально достичь? Да практически нисколько. А хорошую прибыль можно сделать только на массовом клиенте. «Без массы нету кассы», — любимая шефская поговорка.

Так что работали на массу, то есть на широкую аудиторию. Поэтому все курсы, за которые брался шеф, носили характер экзистенциальный, если не сказать, вселенский. Типичный представитель большинства, который и счастья ищет, и тушку свою от дивана отрывать не хочет, как раз на вселенское лучше всего и ведётся.

До прошлого года окучивали по большей части дамский контингент — как открыть в себе внутреннюю богиню, управлять потоками женской энергии, всякое такое. Были ещё курсы для фиф с претензией на интеллект — про составление дорожных карт личностной трансформации и всякую там бла-бла-бла осознанность. Но, по правде сказать, хрен редьки не слаще — байда та же, что и для внутренних богинь, только под другим соусом.

А недавно запустили ещё мужскую линию — про путь воина и семь основ доминирования. По мнению Виталика — фуфло полное. Но шеф сказал — не понимаешь, просто ты — не целевая аудитория. А пузаны

сорокалетние с руками оторвут. Виталик не спорил. До сорока ему ещё было далеко, а вместо пуза имелся вполне приличный пресс (спасибо спортзалу). Да и вообще, начальству виднее. На продюсировании онлайн-тренингов шеф не то что собаку — волка съел. Иногда Виталику казалось, что он работает на мудрого Гудвина, великого и ужасного. Смелость, мозги или сердце — шеф мог снабдить чем угодно. С отправкой бесплатного чек-листа на электронную почту после регистрации и со скидкой пятнадцать процентов для тех, кто будет с нами до конца промо-вебинара. Ну да, мошенник он был почище Гудвина. Но очень обаятельный, хоть и лысый, как коленка — что есть, то есть.

Виталик, шефу верный маркетолог и прислуга за всё, пока ещё был не волшебник, а только учился. По долгу службы с утра до ночи его окружали — спасибо, что только виртуально — разные неудовлетворённые жизнью бедолаги. Все они несли свои кровные денежки на онлайн-алтарь и на что-то надеялись. Ну как на что, — на счастье, конечно. А его, может, и нету вовсе, счастья, а есть покой и воля? Но тем, кто покупает курс «Как правильно формулировать свои запросы Вселенной», такие мысли в голову не приходят. Им голова нужна не для мыслей, а чтобы селфи делать.

Поначалу Виталика немного мучила совесть — ведь люди, может, последнее отдадут? Но потом отпустило. Во-первых, никто их не заставлял. Во-вторых, у дураков всё равно деньги заберут умные, так уж пусть лучше приличные люди, вроде них с шефом, а не какая-нибудь деструктивная секта. В-третьих, почти все покупали по второму и третьему тренингу, значит, им оно надо. И, наконец, в-четвёртых, Виталик и сам был не слишком счастлив, а несчастье ожесточает.

Причина для несчастья у него была старая, как рифма «розы-грёзы». Виталик писал стихи, но они никому не нравились.

А ведь хорошие были стихи. Глубокие. Умные. Пороги издательств Виталик, конечно, не обивал — кому он там сдался. Да и зарабатывать пером не планировал — спасибо шефу, и так не бедствовал. Но хотелось признания. Поэтому два раза в месяц лучшее из написанного Виталик постил в сети в поэтическом паблике «Стихия».

Радовало, конечно, что админы Виталиковы опусы публиковали, ни одного не отклонили. Но лайков было мало, вот что убивало. А комментов, можно сказать, совсем не было. Опубликовал — как мусор вынес.

Обидно! Вот, к примеру, Милану, постоянную авторшу, лайкали активно. А что за стихи-то у неё, срамота. Любимый сюжет — про мужа, который ушёл из семьи к длинноногой тёлке. А тёлка оказалась стерва (вот сюрприз!). Мужик бредёт обратно к своему старому дому. Видит в окне милую бывшую жену и счастливых детишек (брошенные семьи у Миланы всегда жили на первом этаже и занавесками не пользовались). Муж понимает, какой был дурак, и горько плачет под дождём. Занавес. И рифмы, конечно, те ещё:

«изменить — все забыть», «тёплый ужин — он не нужен». Виталика от этих стишат воротило, как в детстве от манной каши с комками. Но нет! Только Милана опубликуется — и сразу пятьсот лайков и сто сопливых комментариев. Сплошь «низкий поклон» и «до мурашек». Дались им эти поклоны и мурашки. Да, наверняка, и она сама, и фанатки её — сплошь те самые дуры-бабы, что платят по пятьдесят штук за курс для богинь. Но факт, как говорится, самая упрямая в мире вещь. Милану лайкали, а Виталика — нет.

Милана — это ещё что! Подумаешь, разведенка-графоманка. Но вот Феофилакт... Феофилакт был Поэт. Каждый раз, когда Виталик видел его публикации, сердце падало. И всё равно, как последний мазохист, открывал, и читал, и перечитывал.

Феофилакт писал обо всем — о любви, об осени, о мухах, об актрисах, о сериалах, о пробках, о насморке, вообще, о чём угодно. Можно было подумать, этому парню стихами изъясняться проще, чем прозой. А может, и правда проще. Виталик, который часами вымучивал одну рифму, ощущал чужую творческую лёгкость всей своей страдающей душой. Аж слёзы зависти на смартфон капали. И этот слог... Что-то он Виталику напоминал. Нечто в нём было неуловимо... пушкинское, да, пушкинское! Но при этом современное на все сто.

Виталик был почти уверен, что это какой-нибудь поэтище, корифей, знаменитость балуется стихами в соцсетях от избытка таланта. А может, их там целая компания — мистифицируют публику, шалят. Или — эта мысль Виталику пришла недавно и никак не отпускала — может, этот Феофилакт вообще нейросеть? Что такое нейросети, Виталик, как и положено бывшему филологу, представлял приблизительно. Такая штука, которая сначала работает и денег не просит, а потом бах — и зовите Сару Коннор. Может, кто-то загрузил в эту нейросеть всего Пушкина, присыпал сверху свежими новостями, добавил чуть-чуть сленга, перемешал и печёт теперь стихи, как блины?

Но тут Виталик неизменно останавливался, вздыхал и признавался — чем-чем, а штамповкой стихи Феофилакты точно не были. Оставалось только молча завидовать да угрюмо наблюдать, как Феофилакт собирает лайки в опрятности и простоте величья.

Вечером шестого июня, в восемнадцать ноль пять по Москве, Виталик отправил на публикацию свой свежий стих. Отправил и забыл. Ну, ладно, не забыл. Сделал вид, что забыл. Но пока ехал домой, лайки не поверял. И в лифте тоже. А как зашёл в квартиру, не удержался. Ещё кроссовки не снял, а уже полез в «Стихию».

Там был лайк. Один. Его лайкнул Феофилакт.

У Виталика потемнело в глазах, дышать стало трудно, сердце стиснуло.

«Спокойно, спокойно, — сказал он себе, опускаясь на коврик в прихожей. — Что это я, как Татьяна перед Онегиным, чес-слово. Подумаешь, лайк».

Но Феофилакт... Да один этот лайк стоил дороже, чем сорок тысяч лайков от Миланиных фанаток. А вдруг Феофилакт его случайно поставил? Мало ли, палец дрогнул. Сейчас раз — и отменит. Или заменит на антимайлик «ярость». Кто там лезет со свиным рылом в наш калашный поэтический ряд? Виталик? Гоните его вшаей.

Виталик пошёл на кухню и залпом выпил оставшийся с утра холодный горький чай. Немного успокоился. Посмотрел одним глазом на экран. Лайк никуда не делся.

И тогда Виталик сделал то, чего никогда себе раньше не позволял, — зашёл на страничку Феофилакta.

Первое, что он испытал, — разочарование. На фото — нелепый любительский коллаж, гибрид обезьяны с тигром. Статус — «Жизнь — мышья беготня», — очень оригинально, ничего не скажешь. Профиль был открытый, но ничего, кроме уже знакомых Виталику стихов, там не было. Ни фото с друзьями на даче, ни «я и моя ласточка», даже котика какого-нибудь, и того не было. Только стихи без картинок и хэштегов и тонны лайков и восторженных комментов — но все без ответа. Виталик развернул блок с личной информацией. День рождения — сегодня. Сегодня?

Движимый безрассудством, Виталик набрал сообщение и скорее, пока не передумал, нажал «Отправить».

«Феофилакт, поздравляю с ДР. Даже не знаю, что пожелать такому крутому поэту, разве что оставаться всегда таким же крутым. Ещё раз с праздником!»

Виталик не знал, как обращаться к Феофилактору — на «ты» или на «Вы». Поэтому написал безлично — так безопаснее.

Виталик осторожно отложил телефон, как будто тот мог взорваться. Постоял пять минут на одной ноге. Вроде, в каком-то тренинге говорили, что это для самоконтроля — самое то. Не устоял и рухнул на диван, рядом с телефоном. Феофилакт ответил!

«Спасибо, друг-стихотворец. Но ты сам, никак, хандришь?»

Значит, на «ты». Виталик немного приободрился. Наверное, Феофилакт — ровесник. Старичье всегда пишет «Вы», если только не скандалит.

«А ты прямо Ванга ☺ Так, взгрустнулось немного»

«Отчего же?»

«Спасибо, что лайкнул мои стихи. Рад, что тебе понравилось. А то они, вообще, никому не нравятся, по ходу ☺»

«А тебе самому?»

«Не знаю. Со стороны виднее»

«Ты сам свой высший суд»

«Хорошо тебе говорить, ты крут»

«Ну, не хандри, были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы ☺ Вот ты жив, так и не завидуй мне»

Виталика прошиб холодный пот.

«А ты что, нет?» — натянул он дрожащим пальцем. Хотел добавить вымученный смайлик — но не смог.

«Увы, мой друг, увы ☹»

Виталик вышел из соцсети. Вернее, выскочил. Включил режим «в самолёте». Выключил телефон. Отшвырнул и для верности накрыл подушкой. Вырвал из розетки шнур от роутера.

Виталика трясло. Может, он был и плохой поэт, но всё же поэт, с волей небесною дружен, а не какой-нибудь там неразумный хазарин. Он понял — Феофилакт не врёт.

Для успокоения Виталик хотел было открыть новостной сайт — клин клином вышибают, перед повесткой дня потусторонние ужасы как-то меркнут. Но ведь сам же всё отключил. Виталик кругами забегал по квартире, притормозил на кухне, соорудил себе двойной бутер с колбасой и стакан сладкого чая. Не бог весть какое раздолье ухарских пиров, конечно. Но такого количества жиров и углеводов Виталик давно себе не позволял. Только не время было ЗОЖничать. Психика нуждалась в поддержке.

Ближе к полуночи, доев колбасу до самой верёвочки, Виталик понял, что решился. Это ведь страшно, если неожиданно. А когда укрепишься духом — так оно и ничего. Час мужества пробил на наших часах. Посмотри в глаза чудовищ.

Свет зажигать не стал. В прозрачной, неубедительной июньской ночи Виталик снова включил роутер, достал телефон, открыл переписку. Почему-то он был уверен, что Феофилакт все ещё там.

«Ты что, бот?» — набрал Виталик и поспешно стёр. Заменял «бот» на «нейросеть».

Феофилакт немедленно откликнулся:

«Отнюдь»

«Но если ты не живой, как же тогда ты пишешь?»

«Не умер весь, душа в заветной лире мой прах пережила»

«Я хочу писать, как ты», — набрал Виталик заветное.

Феофилакт молчал.

«Ты пойми, я не за славой гонюсь. Мне не надо, чтобы на улице узнавали и автограф просили»

«И гонораров мне не надо, и так на жизнь заработаю»

«Я просто хочу, чтобы меня читали, лайкали»

«Не будет мне без этого счастья в жизни»

«Может, стихи — это лучшее, что во мне есть?»

...

Виталик лихорадочно строчил сообщения одно за другим.

Феофилакт молчал. Но был онлайн.

Наконец, Виталик иссяк. Всё, на что его хватило напоследок, было: «Прошу, помощи. Как поэт поэту. Я знаю, ты можешь. Требуй взамен, чего хочешь».

У Виталика затекла рука, в которой он сжимал телефон. Наконец Феофилакт ответил.

В его сообщении была только ссылка. Виталик прочёл адрес — и почувствовал, как по спине бегут те самые, будь они неладны, мурашки.

«Клики по ссылке. Заполни все поля, поставь галочку, что с условиями согласен, и нажми ОК. Потом жди СМС с кодом. Введёшь код в поле подтверждения»

«И всё?»

«Чего же боле»

Утром Виталик заглянул в начальственный кабинет.

— Можно к вам?

— А, Виталик, заходи, — шеф приветливо улыбнулся во все свои тридцать два безупречных металлокерамических зуба, каждый ценой с Виталиков смартфон. — Отчёт готов?

— Скоро доделаю. Есть у меня одна задумка, хотел с вами обсудить.

— Давай-давай, креатив — это хорошо, — обрадовался шеф. — Эй, ты как себя чувствуешь, нормально? Какой-то ты бледный.

— Да так, не спалось ночью, проект обдумывал. Давайте новый курс запустим. Для писателей. Знаете, сколько графоманов вокруг? В стол пишут, о славе мечтают. Это же золотая жила!

— Так-так-так, — шеф несколько раз быстро потёр огромные ручки. — А что? Курсы писательского мастерства плюс тренинги по стимуляции чакры вдохновения...

— И фокусированию потоков творческой энергии, — подсказал Виталик.

— Ага! Можно потом пару-тройку их книжонок издать, за наш счёт, для продвижения... Только передачу прав оформить, — было видно, как множатся у шефа в глазах нули после единицы. — Спикера бы хорошего найти.

— Да я сам бы взялся. Как-никак филолог, красный диплом. Можно со стихов начать. Поэты — самый шизанутый народ. Мозгов — как у курицы, а эго — как отсюда и до Луны. Наша целевая аудитория.

— А ты что, стихи пишешь? — у шефа брови на лысом черепе зашевелились, как мохнатые гусеницы. — Не знал.

— Да так, балуюсь иногда. Хотите ссылку на страничку скину?

— Ну, давай, — шеф с сомнением заглянул в свой айфон. Гусеницы поползли ещё выше. — Слушай, я, конечно, в стихах не копенгаген, но ты вроде как талант. Вот это, про ножки, прямо бомба. И про вискарь тоже огонь. Только что у тебя за ник такой дурацкий — Феофилакт? Нафталиновый какой-то, как у деда старого.

— А это к Пушкину отсылка. Феофилакт Косичкин — был у него такой псевдоним. Для курса другой придумаем, конечно. Виталий Ганнибал — как вам?

— Это как Ганнибал Лектор, что ли? Совсем сдурел? Ты давай нормальное

что-нибудь придумай. А вообще, чего мудрить? Как тебе — Пушкин? Пушкина все знают, даже совсем дебилы. А имя можно оставить. Виталий Пушкин, вроде норм звучит. Легенду тебе состряпаем. Скажем, ты — прямой потомок. Были у Пушкина дети? Четверо? Отлично. И вообще, я раньше не замечал, а ты ведь на него даже похож чем-то. Носище этот твой...

— Пушкин так Пушкин, — не стал спорить Виталик. — И вот ещё, шеф. Вы вроде в тир ходите? Возьмёте с собой?

— Конечно, пойдём. Вот уж не думал, что захочешь.

— Да говорят, стрельба глазомер развивает и концентрацию. У меня с этим проблемы. Вот мне один знакомый и посоветовал, — тут Виталик улыбнулся. — Как поэт поэту.

Сказка вторая. Четвёртый том

«Ничего страшного, — сказал себе Серёга. — Обычная тётка». Но всё же было самую малость жутковато.

«А чего бояться-то? — занялся аутотренингом Серый. — Вон сколько их вокруг, тёток этих. На них обычно и взгляд не задерживается. Кому они сдались? Шкандыбают себе туда-сюда, в транспорте скандалят, в «Семёрочках» гречку берут по акции».

Что в ней такого? Жидкий хвостик серых волос. Летнее цветастое платье, дешёвая тряпка с рынка — внизу мешком, а на боках все жирные валики обтянуты и под мышками пятна. Бледные толстые ноги в сосудистых звёздочках. Древние какие-то босоножки на квадратных сбитых каблуках, не по размеру на такие ножки, серые пятки в трещинах так и выпирают. Отстой. Да разве бы стал Серёга такую черепаху Тортиллу разглядывать, если бы не План? Больно надо. Он и на молодых-то женщин смотрел с большим разбором. Этому Серый выучился на курсах про семь основ доминирования — не должен настоящий самец растрчивать себя на второсортных самок («Первая основа — осознание своей ценности»). Если девушка по шкале от одного до десяти не тянет хотя бы на шестёрку, то и время на неё нечего тратить. А то никакого генофонда не хватит. Да и алименты могут заставить платить. Серый и сам всегда что-то такое подозревал, только словами не мог выразить. А тренер на курсах внятно всё изложил, доходчиво — все бабы хотят мужика захомутать, от него родить, а потом деньги с него тянуть. Настоящий доминантный самец такого не допустит («Вторая основа — личная свобода»). У альфы как всё должно быть? Его жизнь — его правила.

Однако ж, чтобы устанавливать свои правила, нужна была материальная база («Третья основа — финансовая независимость»). С этим у Серёги была засада полная. Мамани-папани богатеньких судьба ему не подогнала — обычные работяги, терпила, за всю жизнь на машину-то не накопили, и квартира — дрянь, однокомнатная, двадцать лет без капремонта, да ещё

в стрёмном городишке. Серый при первой возможности от них свалил — хоть и в общагу, зато в райцентре. Техникум тоже в плане финансов ничего не сулил. Ну, станет Серый через два года мастером контрольно-измерительных приборов и автоматики, и чо? А ничо! Знает он, сколько этим КИПам платят. На третью основу так не накопить. Думал в онлайн-казино попробовать, да только что-то подсказывало, что лажа это. Если эти казино про себя из каждого утюга орут, значит — разводилово. Туда, где деньги лежат, громко звать не станут. Если сильно повезёт — может, шепнут разок.

Собственно, так План и появился — из шёпота. Серый с Толяном, соседом по комнате, курили вечером в туалете в общаге. Ну, нельзя, конечно, но все курят. Не на улицу же идти, в самом деле. И тут слышат — уборщицы по коридору прутся. Серёга и Толян бычки быстро в унитаз смыли и заперлись в кабинке. Если бабки их спалют — комендантше донесут, а у Толяна и так уже был выговор, за пиво.

Короче, затаились. А бабки в коридоре зацепились языками — другого места не нашли. Сначала громко базарили, а потом на шёпот перешли. Серёга и не хотел, а уши наострил. Так уж всегда бывает, когда шепчутся — хочется слушать. Закон природы.

Одна бабка другой и говорит: «Карбышеву знаешь? Да, ту, что в «Любаве» техничкой работает. А знаешь, что у неё книга есть волшебная?»

Серый на Толяна посмотрел и пальцем у виска покрутил. Но Толян ни болта не понял, потому что уже наушники воткнул. Он их вообще редко вытыкал — видать, боялся, что мозги через уши испарятся. Поздно спохватился.

А бабки всё перемывали кости этой Карбышевой из «Любавы» (про «Любаву» Серый знал — это столовка была студенческая, народ из общаги её звал «Отрава»). Будто у Карбышевой есть книга. Книгу она с собой носит всегда — и на работу, и в магазин, и на медосмотр даже. Никогда с ней не расстаётся. Книга та не простая. Когда Карбышевой чего надо, она эту книгу наугад раскрывает и пальцем туда тычет. И всегда ей книга подсказывает, что делать. И никакие не враки. Когда в столовке проверка была и заведующую чуть не посадили, так она ходила к Карбышевой, и та ей из книги насоветовала. И обошлось — даже штраф не выписали.

Вторая бабка стала прикалываться — а с чего тогда твоя Карбышева ещё не президент, а техничка в столовке? С такой-то полезной книжечкой. А с того, сказала первая бабка, совсем уж тихо — у Серёги аж уши вытянулись, как у Чебурашки — с того, что не хочет. Она-то, говорят, Карбышева эта, девчонкой в блокадном Ленинграде жила. И хотела только, чтобы всегда было, что поесть и чтобы не помереть, как другие. Вот так оно и вышло — работает в столовке, и выглядит, ну, максимум на шестьдесят, а по паспорту-то ей, говорят, уже все девяносто.

Бабки потрепались ещё и дальше пошли, в мужской туалет даже не заглянули. Серый Толяну рукой помахал — идём, пронесло. Пересказывать,

что слышал, не стал — на кой? А самому история эта в душу запала. Может, фигня, конечно. А может и не фигня.

Вот и плёлся он теперь по раскалённой улице, пялился на Карбышеву, как сталкер какой, и гадал — где у неё книга? В распухшей белой сумке из драного кожама? Или в пластиковом пакете? Или (вот уж попадалово будет) где-нибудь в лифчике? Серый ведь не знал, какого размера книга.

Пока План был — отследить перемещения объекта. Не может она двадцать четыре на семь книжку с собой таскать. Где-нибудь да оставит. Что делать дальше, Серёга пока представлял смутно. Воровать он не умел. Не то, чтобы не допускал такой мысли, но как-то не было практики. Да и попадаться не хотелось — сопрёшь дряни на пять тысяч, а сядешь потом на пять лет. Он же не дебил какой-нибудь. Вот если бы знать наверняка, что не поймают, тогда, конечно, другое дело. Но перехватить книжечку было нужно.

Тем временем Карбышева, как бомбардировщик, заложила вдруг крутой вираж, качнула боками и зарулила в «Семёрочку». Сквозь мутное стекло Серый увидел, как она топчется у ячеек для сумок. У него аж сердце подпрыгнуло. Вот он, шанс!

Серый ввалился в «Семёрочку», прошёл мимо тётки. Та как раз запихивала пакет в шестую ячейку, он приметил. Сумку, гадина, оставила при себе. Серый купил курева на кассе. Огляделся — Карбышевой не видать, охранника тоже. Твёрдым шагом прошёл к сумочной, вынул ключ из пятой ячейки и отпер им шестую. Там такие замки были, что и скрепкой можно открыть. Нормальный чел ничего ценного в ячейке никогда оставлять не станет. Только тётка какая-нибудь тупая. Запустил руку в пакет, морщась от старушечьего запаха. Поворошил — какие-то коробочки, тряпки и — быть того не может! — пальцы наткнулись на книгу в твёрдом переплёте.

«Спокойствие, только спокойствие», — сказал себе Серый. Книгу он выудил и, не глядя, сунул в рюкзак. Пакет запихнул обратно. Дверцу запер. Порядочек.

Спокойным шагом вышел из «Семёрочки», завернул за угол и только когда остались позади все камеры, припустил бегом. На остановке вскочил в первый попавшийся автобус, уселся на заднем сиденье и, как ботан какой-нибудь, вынул книжку.

Была она толстенная, непривычно маленького формата, обёрнутая в крафтовую бумагу. Серёга обёртку отогнул — и чуть не завыл от разочарования: «А.С. Пушкин. Том 4». И это магическая книга?! Да Пушкин у всех есть, даже у его родaków. А он, Серый, тоже хорош. Уши развесил, дебил, бабок-уборщиц наслушался. Серёга пролистал книгу. Ну, старая. 1937 год. Может, там хоть автограф автора есть? Тогда за хорошие деньги можно загнать какому-нибудь коллекционеру двинутому. Мог её сам Пушкин подписать? Или Ленин? Серый в истории был не силен, а даты, если первые две цифры там были не два-ноль, ему вообще ни о чём не говорили.

Коричневые от времени страницы пахли старой бабкой и столовским жиром. Серый поморщился. Как там уборщицы сказали? Наугад пальцем надо тыкать?

Он завёл глаза к потолку. Ну, Пушкин-Кукушкин, или как там тебя, где бы взять денег тыщ пять, и чтобы мне ничего за это не было? Серый раскрыл книгу, ткнул и прочитал:

«Пред ним славянская дружина»

Ну и чо? И где тут пять тыщ? Причём тут какая-то дружина? И тут Серёгу как под зад толкнули — аж вскочил. «Славянская дружина» — это ж клуб патристического воспитания, недавно в парке открыли. Был там какой-то павильон обшарпанный, так его отремонтировали и вывеску прикрутили. Чем они там занимаются, Серый был без понятия. Но вывеску помнил хорошо — узкие красные буквы с длинными ножками. Серый понёсся на выход.

И по парку бежал, как какой-нибудь Усэйн, чтоб его, Болт. Только у клуба притормозил. Дальше-то что? Серый беспомощно завертел головой. И тут увидел ЕЁ. Новенькая красненькая пятахатка лежала в двух шагах, под лопухом. Серый посмотрел недоверчиво — может, прикол такой? Скрытой камерой снимают? Но никого рядом не было. Дрожащими руками схватил купюру — настоящая, без дураков, и пахнет деньгами! Патриот какой-то обронил. Быстрее, пока не спалили, Серёга сунул её в задний карман.

Так что же, получается, работает?

Мысли в голове понеслись, как видео в ютубе на ускорении один и семьдесят пять. Что же ещё пожелать? Нет, это ясно, что девушку, но какую? Сразу на десять баллов? Или для разминки на семь? Что-то подсказывало Серому, что даже если на семь, то надо сначала хотя бы в душ. И носки сменить. А может? У Серёги как будто лампочка над головой зажглась. Конкину нагадить, вот что! Да с такой книгой — легче лёгкого. Конкин был препод по материаловедению, завкафедрой, а по совместительству — конченный урод. Параши ставил на пустом месте. Перед группой позорил — умственно отсталым называл, а ещё колхозником. Ну, ничего, теперь Серый его размажет. Или пусть его машина переедет. Кстати, машина! Крутая тачка, вот что нужно! Тогда и девах на семь баллов сама собой нарисуеться. Прав только пока не получил, всё не до этого было, да и дорого. Но ведь права тоже можно пожелать, сразу готовые?

Стоп, сказал себе Серый, притормози. Надо всё обдумать. Если у него всё разом появится — и бабло, и тёлка, и машина с правами, вопросы будут. Наедут менты или просто бандиты — и Пушкин не спасёт. Надо пока на паузу поставить это дело.

Вечером в общаге Серый читал, благо Толян на выходные домой подался и не вонял, чтобы Серега свет гасил и спать не мешал. Пушкин-то ничего оказался, особенно «Гавриилиада». Серёга только хмыкал. Доисторический

писатель, а норм так жжёт. Дочитался до того, что носом стал клевать. Глянул на телефон — блин, без десяти двенадцать. Реально, как ботан, до полуночи над книжкой просидел. Серёга потушил свет и подошёл к окну — занавеску задёрнуть, чтобы утром от солнца не просыпаться. Подошёл — и замер.

Она была там. Карбышева. Стояла прямо под фонарём и, задрав голову, как собака, смотрела на Серёгино окно.

Серый аж весь заledenел. Ну ведь не может же она войти? Внизу Елизавета Игоревна, из всех старушек-вохрушек самая лютая. Не пропустит в общагу чужого, да ещё в полночь. Хотя сам Дарт Вейдер с лазерным мечом — мимо неё никто не пройдёт. Серый опасливо, одним глазом, выглянул из-за занавески. Под фонарём никого не было. И на улице, освещённой неоновой вывеской круглосуточного магазина, никого. Ушла? Так быстро? Или — тут сердце пропустило удар — всё-таки пробралась?

Серый заметался. Схватил Пушкина. Обуваться было некогда — как был, в носках, ломанулся вон из комнаты. Добежал до мужского туалета, закрылся в кабинке на задвижку. Зажал себе рот руками, чтобы не пыхтеть, как паровоз.

Даже если вошла. Даже если отыскала комнату. Сюда-то не войдёт. Она же тётка. Нельзя ей в мужской туалет. Ведь нельзя же, правда?

И потом, что он так подорвался? Книга у него. А без книги она что? Да ничто, обычная техничка из столовки.

И тут Серый услышал звук. Как будто по древнему линолеуму коридора не спеша идёт кто-то на таких же древних, стоптанных каблуках. Кто-то немолодой. Кто-то усталый. Кто-то конкретно злой, как Халк.

«А спасти тебя теперь кто будет? Пушкин?» — пронеслось в голове что-то несусветное. Пушкин!

«Пушкин, как мне спастись от Карбышевой? Пушкин, помоги!» — Серёга, клацая зубами от страха, распахнул четвёртый том и ткнул пальцем. Оказалось, книгу он держал вверх ногами. Кое-как перевернул, в свете дрянной сортирной лампочки прочёл:

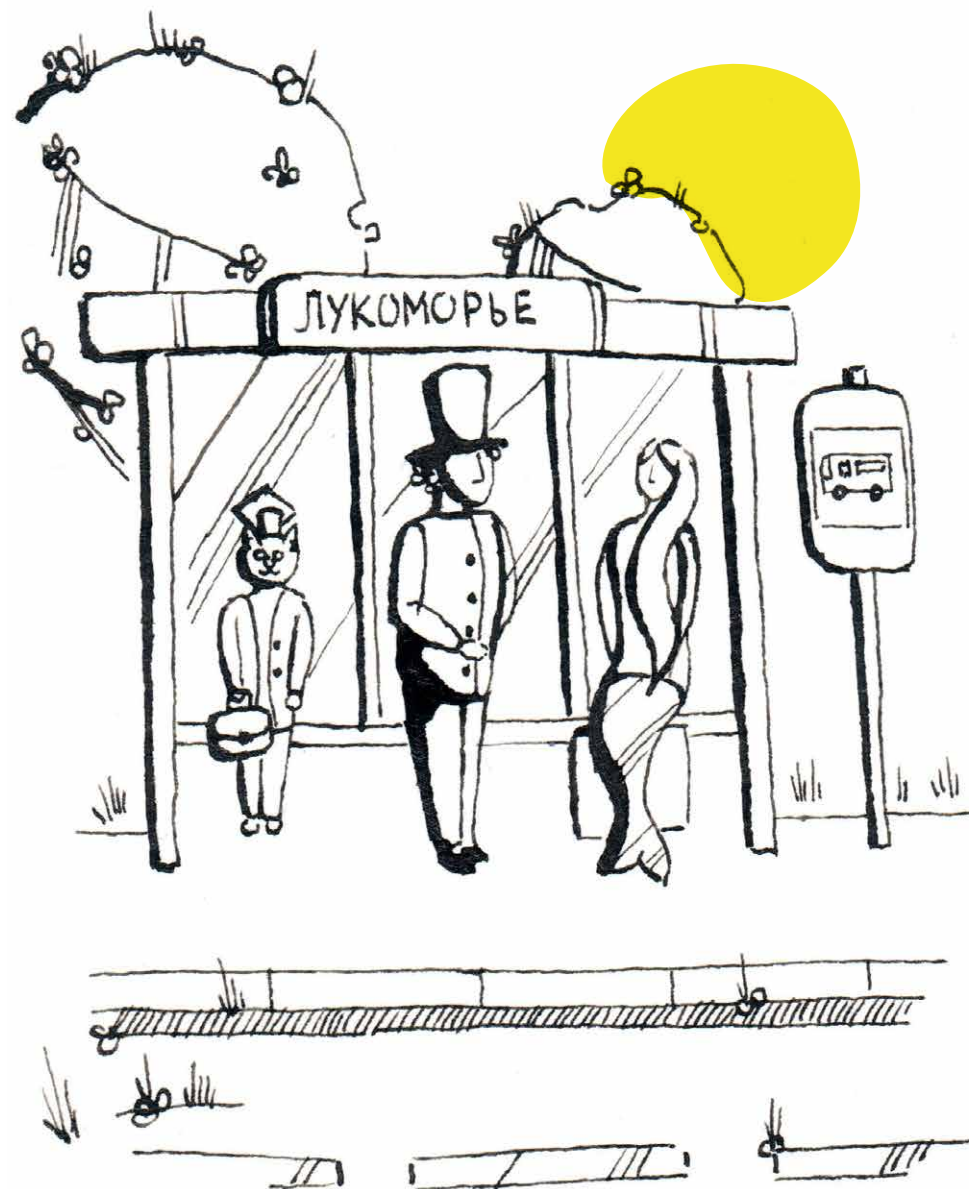
«Всё пропало»

Шаги в коридоре звучали всё ближе.

Сказка третья. Трое из Лукоморья

— Крылатку мне поправь, — бросил Армен через плечо.
 — Не могу, у меня же лапки, — желчно ответил Василий.
 — Я поправлю, — подскочила Маринка.
 — Поздно, я сам, — Армен сделал оскорблённое лицо, и бакенбарды у него вздрогнули.

Василий только вздохнул. В последнее время приступы звёздной болезни на Армена накатывали всё чаще. Но куда деваться — приходилось терпеть. Во-первых, это Арменов родитель их нанял. Во-вторых, найти в городе Л.

другого Пушкина было бы затруднительно — а без Пушкина всё предприятие развалится.

Что сейчас, что во времена Александра Сергеевича заработать в этой дыре можно было только на мимо проезжающих. Специально в Л. никто не ездил, и никто здесь надолго не оставался — незачем. В девятнадцатом столетии меняли лошадей и мчались дальше на почтовых. В двадцать первом веке высыпали гурьбой из туравтобуса и выстраивались в две нетерпеливые очереди у платного туалета. А затем вновь уносились по федеральной трассе в другие, по-настоящему интересные и примечательные места.

Так было долго. Но в прошлом году все переменялось.

А началось с того, что в одно из мутных, сопливых мартовских воскресений зашли попить чайку родители Армена. Дело обычное, Варданяны жили дверь в дверь с Васькиным семейством с незапамятных времён, когда их панельная девятиэтажка ещё считалась престижной новостройкой. Соседи устроились с матушкой на кухне и принялись уютно, не торопясь, обсуждать безнравственность современной молодёжи. Мать работала в библиотеке и о кризисе духовности судила по тому, как мало у них бывает посетителей. Отец Армена, владелец того самого платного туалета, с ней соглашался, хотя по прямо противоположным причинам — ходили-то к нему часто, но не слишком аккуратно.

— И не говорите, Левон Гамлетович, и не говорите! — восклицала матушка, накладывая всем ещё варенья. — Нравы в нашем городе просто пещерные, и это стыдно! Как мы могли утратить свою духовность? Ведь у нас бывал сам Александр Сергеевич Пушкин!

— В самом деле? — удивился Варданян. — Я и не знал.

— Не просто бывал, а даже посвятил нашему городу несколько замечательных строк! Своему другу В. он пишет: «Нынче застрял более чем на три часа в местечке Л., где каналья-смотритель никак не желал дать мне почтовых. Зато имел я удовольствие испить превосходного местного квасу». Вот видите?

— Пушкин... Квасу... — глаза у Левона Гамлетовича вдруг загорелись вдохновенным тёмным огнём, отчего он стал похож на врубелевского Демона на пенсии. — Елизавета Андреевна, да вы гений!

На следующий же день Варданян развернул кипучую деятельность — звонил, договаривался, предлагал, торговался. Так и появилось на свет творческое объединение «Лукоморье» со своей интерактивно-иммерсивной костюмированно-театрализованной и страх какой аутентичной программой «Им квас как воздух был потребен».

Забегая вперёд, скажем, что отныне автобусы с туристами меньше, чем на сорок пять минут, в Л. никогда не останавливались.

Армен сразу согласился участвовать — с Левоном Гамлетовичем семья никогда не пререкалась, себе дороже. Василий отнекивался, как мог,

но потом сдался — денег было в обрез, а так хотелось пожить по-человечески, а не у матери на шее сидеть. Маринку, тоже бывшую одноклассницу, и уговаривать не пришлось — сама напросилась. Всегда, говорит, мечтала о сцене. Хотя сцена у них была так себе — автобусная стоянка перед туалетом.

Именно там очумевших от долгой дороги туристов второе лето подряд встречали Армен, Маринка и Василий. То есть, конечно, Александр Сергеевич Пушкин, Русалка и Кот Учёный.

Сценарий написала матушка. Получилось даже на Васькин взыскательный вкус, недурно — не зря она столько лет в библиотеке просидела. Костюмы сделала тётя Света, Маринкина мама. Она ещё с детского сада их всех обшивала на каждый утренник, а уж ради Пушкина сама себя превзошла. Так Армен обзавёлся кружевной рубашкой, панталонами, сюртуком и крылаткой (только цилиндр заказали на Алиэкспрессе). Маринке сделали прозрачную серебристо-зелёную юбку, всю в пайетках — как будто в чешуе, с разрезами по бокам, микро-топик, как у Ариэль, и венок из искусственных кувшинок для аквариумов. А для Василия тётя Света сотворила кошачий чудо-костюм — бархатный, чёрный, с белой грудкой, с ушастым капюшоном и толстым набивным хвостом. Были даже перчатки в виде лап-подушечек. А полумаску с усами из лески Василий сам смастерил.

Сначала, прямо скажем, пришлось нелегко. Хорошо Армену, он с десяти лет в туалете на кассе сидел, с любым контингентом мог общаться. Маринка, инструктор по танцам на шесте, тоже особо не тушевалась. А вот Василий в миру занимался ремонтом компьютеров и публичного внимания боялся как огня. Но ничего, притерпелся понемногу.

Трио у них вышло удачное, у каждого своя специализация. Армен работал на женскую аудиторию. Сверкал огненным взором, декламировал с придыханием: «Для вас, души моей царицы...», — прижимал руку к сердцу. Память у него была — как у слона, стихов ещё со школы помнил кучу, да ещё столько же за неделю выучил и, когда надо — ловко их вворачивал. И бакенбарды за зиму отрастил — что твой орангутанг. В общем, бешеным пользовался успехом. Ну и пусть он был маленький и носатый. Подумаешь! Пушкин тоже был не Скала Джонсон, а дамы его любили.

У Маринки роль была почти без слов. Её дело — прохаживаться туда-сюда, сверкать ляжками, улыбаться, махать волосами (они у неё были до самой пятой точки, густые, блестящие) да разносить на подносе пластиковые стаканчики с «тем самым пушкинским квасом, по старинному рецепту» (с местного пивзавода). Мужики, глядя на неё, даже покурить забывали.

Василий брал на себя детишек. Все они хотели котика погладить, поддержать за лапу, а иногда и подёргать за хост. Слов у Василия тоже было немного — всё больше стишки и загадки, в основном, кошачьей тематики. Зато он мурчал, мяукал и даже шипел (если на хвостик слишком уж покушались).

После кваса — фото, групповое и с каждым по отдельности (само собой, не бесплатно). Да ещё Армен придумал на видном месте ставить коробку для пожертвований с табличкой «Котику на молоко». В итоге на круг неплохо зарабатывали, во всяком случае, по меркам города Л.

И людям ведь нравилось. Отзывы меньше пяти звёзд «Лукоморье» получало редко. В сезон их бронировали на месяц вперёд. Левон Гамлетович даже стал поговаривать, что нужно крытый павильон строить — чтобы шоу и зимой продолжалось. Правда, в холода квас плохо заходит, но можно ведь и чаю попить. И мама была рада — наконец-то Вася работает в сфере культуры, а не в железяках копается.

Василий в целом тоже был всем доволен. Правда, в последнее время, пожалуй, подустал — да и не он один. У «Лукоморья» наметились первые признаки выгорания. Армен всё чаще включал примадонну, капризничал, кричал на Ваську с Маринкой, дулся из-за пустяков. Вместо того чтобы отдохнуть после выступлений — на речку сходить или хоть в пивбар на Ленина — топал в библиотеку, к Васькиной маме. Там он в который раз перечитывал собрание сочинений Пушкина от корки до корки — всё, кроме четвертого тома, который неизвестные спёрли ещё в доисторические времена, и который библиотека всё никак не могла докупить из-за недостаточного финансирования. Маринка тоже хандрела — стала вслух мечтать о том, как вернётся из райцентра домой её парень Толик (он там в техникуме учился), и тогда Маринка сразу в ЗАГС — и в декрет, а то надоело всё, сил нет никаких.

Надо, надо было им отдохнуть недельку, а лучше две. Василий уже начал сам за собой замечать, чего раньше не было — раздражителен стал, вздрагивал от резких звуков, и запахи как-то неприятно обострились — говорят, такое после ковида бывает. Доработаю до конца августа — и устрою себе отпуск, решил он. А то скоро на людей мяукать начну.

В общем, под такие мысли программу в четверг отыграли честно, технично, но без огонька — сами чувствовали. Попрощались вяло, разошлись понурые — завтра пятница, страшный день, четыре автобуса подряд до обеда и после столько же.

Но пятница оказалась страшным днём по другой причине. Не вышла на работу Маринка.

Звонили ей на телефон и в ватсап, писали сообщения — всё без толку. Что делать — отыграли первую группу без неё. Армен из кожи вон лез — он, когда на нервах, всегда особенно хорошо выступал. Василий тоже старался — мурчал громче обычного, выгибал спинку и умывал лапкой мордочку, даже за мухой с мявом гонялся, на радость детишкам. Вроде, обошлось, клиент не заметил потери бойца.

Левон Гамлетович тем временем запрыгнул в свой раздолбанный мерс и сгонял к Маринке домой — жила она на другом краю города. Вернулся

мрачнее тучи. Тётя Света со вчерашнего вечера дочку не видела — легла рано, а утром решила, что Маринка уже ушла на работу. Телефон на беззвучном режиме нашли на полу в прихожей. У Василия вдруг закололо сердце, он и не знал, что это не фигура речи такая, а на самом деле, как будто иголкой тыкают. Хотел сказать что-то успокоительное, вроде «Да что с ней будет, она же такая красивая» — но понял, что глупее и придумать невозможно, вовремя захлопнул рот. Как обслужили остальные группы — сам не помнил.

На следующий день пропал Армен.

Дядя Лёня, участковый, сидел у них на кухне. Таким серьёзным Васька его не видел с тех пор, как Армен в первом классе украл прадедов наградной маузер, чтобы застрелить хулигана Зверева.

— Василий, с этого момента без моего приказа из дома — ни ногой.

— Дядь Лёнь, да почему?

— Ты что, совсем debil? — сурово спросил тот, насупив рыжие брови. — Мозгами пошевели. Сначала Марина, потом Армен, ты последний остался.

— Так вы что думаете, это... маньяк какой-то? Охотится на «Лукоморье»?

— Ничего я не думаю. Из райцентра приедут, разберутся. А ты не высовывайся. Мать успокаивай, она вон с ума сходит. Ну, к Варданыам можешь сходить. А лучше в квартире сиди. Понял меня?

— Понял, дядь Лёнь.

Вот Василий и сидел — сначала в кресле, потом на полу, а теперь на подоконнике, уткнув лоб в колени, как в детстве, когда накажут и гулять не пускают. В телефон он больше смотреть не мог — у всех знакомых в ленте были Маринка и Армен, и единственный на весь город журналист, который недавно брал у «Лукоморья» интервью, уже состряпал статью о пропавших, и теперь её все репостили. В доме было тихо — ночь уже, почти двенадцать, мать уснула, наконец, в соседней комнате, наплакавшись за день. Только снаружи нудно скрипели ржавые качели. И кто там качается в такое время? Васька открыл окно, хотел им крикнуть, чтобы валили из их двора — но не крикнул. Слова пропали. Во дворе Армен качал на качелях Маринку.

Васька коlobком скатился с подоконника на пол и вприпрыжку бросился во двор.

— Ребята, вы?! Блин, да где вы были?! Мы все с ума сходим, а они на качельках качаются! Вы нормальные вообще?!

— С нами всё хорошо, Вася. Не шуми, пожалуйста, — сказал Армен тихо. Маринка только улыбнулась.

От этих слов Василию стало как-то не по себе. Васей Армен его никогда не звал — только Васьком или Котарой. И почему вдруг — «пожалуйста»? Как чужому. А Маринка? С ней явно было что-то не так. Во-первых, на ней всё ещё был костюм русалки — с чего бы это? Во-вторых, она вроде как стала ещё красивее. Будто светилась изнутри. И волосы у неё теперь были не до

попки, а прямо до щиколоток. Стоп, да и Армен ведь до сих пор в цилиндре, зачем? А фамильный варданыновский нос как будто уменьшился, что ли. Пластику сделали? Оба?

— Хорошо, что ты пришёл. Мы ведь только тебя и ждали, — продолжал Армен. — Какое Лукоморье без кота?

Василий почему-то сразу понял, что Лукоморье — это Лукоморье, без кавычек. От страха у него даже нос похолодел.

— Пойдём, Вася, пора. Что мы тут забыли? Ничего нас здесь не ждёт хорошего. Не хочу я семейным туалетом заведовать. Я в душе творец, я артист, поэт. А Маринка? Сдался ей этот Толян, да она же с ним от безнадёги только и встречалась — остальные-то ещё хуже. Будет потом, как тётя Света, в «Семёрочке» на кассе сидеть до старости. А так — посмотри, какая она красавица. И всегда теперь такой будет. Пойдём, Вася. Мы свой пропуск в сказку честно заработали. Хорошо потрудились, с душой.

Василий зажмурился, чтобы не видеть. Но перед закрытыми глазами вдруг нарисовалась удивительно яркая картинка — над головой крыша из пронизанных солнечными лучами листьев, далеко внизу — ярко-синее море с белыми барашками, а сам он, Василий, возлежит, как римский патриций на ложе, на огромной ветке, и так ему хорошо, так приятно точить коготки о шершавую дубовую кору...

Усилием воли Василий прогнал морок и широко распахнул глаза. Бывшие друзья никуда не делись — смотрели на него ласково и очень-очень внимательно.

— Вот что, ребята. Хотите в сказку свалить — дело ваше. Ты, Марин, только о внешности своей всегда и думала. Значит, отличная из тебя получится русалка. Ты, Армен, хотел быть звездой — вот и будь ей, хоть самим Пушкиным. Ты реально талантливый. Только тебе легко — у твоих родителей ещё четверо останутся. А я у мамы один. И я её не брошу. Идите без меня, — Василий упёрся ногами в землю и приготовился сопротивляться до последнего, как кот, которого тащат к ветеринару.

— Как хочешь, Вася. Насильно в сказку никого не берут. Но если передумаешь — приходи сюда, к качелям, в полночь. Мы всегда тебя примем. Ты же наш друг, — Армен приподнял цилиндр и вдруг растворился во тьме. Васька обернулся к Маринке — но и та уже таяла, как сахар в чае.

Утром Василий проснулся от громких голосов на кухне. Кое-как натянул шорты, побежал туда.

На кухне собралось целое общество — мать, участковый дядя Лёня, Арменовы родители, тётя Света — и все разом смеялись, плакали, передавали из рук в руки планшет. Левон Гамлетович кипятился, бил кулаком по столу, его наперебой успокаивали. Пахло валерьянкой, коньяком и подгоревшими оладьями.

— Чочилось? — проглатывая слова, спросил Василий.

— Вот, полюбуйся, что друзья твои отчебучили, — мать сунула Василию в руки планшет. — Признавайся, злыдень, ты ведь знал?

Васька нажал на воспроизведение видео — и ойкнул. Там были Армен и Маринка. Они куда-то ехали в вагоне поезда — на заднем плане видны были мелькающие за окном берёзки. Перебивая друг друга и торопясь, они говорили, что больше не могут жить в этом городе Л., где у любого нормального человека крыша съедет. Что Армен будет учиться на актёра в Москве. Что его уже заметил и позвал в сериал один очень известный продюсер. Что Маринку тошнит от Толяна, и друзья у него стрёмные, и сам он не лучше. Что Маринка беременна от Армена. Что они перед поездом успели расписаться. Что пусть за них никто не волнуется, но больше они пока на связь выходить не станут, сейчас отправят это видео родным и симку выкинут в окошко. Что они всех очень-очень любят, но теперь у них будет новая жизнь.

— Ничего не знал, честное слово, — ошалело сказал Василий, возвращая планшет. — Ни слова мне не сказали, конспираторы хреновы. Тоже мне, друзья.

Левон Гамлетович, кажется, хотел снова взорваться, но матушка ловко подсунула ему чайную чашку с коньяком.

— Конечно, дети поступили необдуманно, — сказала она. — И очень эгоистично. Но ведь их можно понять. Наш город не предлагает им решительно никаких перспектив. И то, что они в последнее время стали заниматься сценическим искусством, просто открыло им на это глаза. Высветило противоречия...

— Как родит, так сразу и объявится, — утешал тем временем дядя Лёня тетю Свету. — Позвонит, скажет — мам, приезжай, помоги с ребёнком.

Василий уже не слушал. Он взял банку сметаны, сел на подоконник и подставил лицо солнцу. Пусть друзья поступили по-свински. Но они живы-здоровы и счастливы, это главное. А у него были сметана и солнце, что ещё нужно? И на душе у Василия стало так хорошо и легко, что он тихонько замурлыкал себе под нос.

Наталья КРАМСКАЯ

Рассказ болдинской крестьянки о любви поэта

Влюбился как-то раз Александр Сергеевич в простую крестьянскую девушку, да к тому же в крепостную. Ольгой её звали. Жила она в то время с родителями в селе Михайловское Псковской губернии — имени матери поэта из рода Ганнибалов.

Для девушки неопытной любовь — беда, понесла сердешная наша, Олюшка-то. Дело житейское. Так оно и бывает: любовь-любовью, а что-то делать надо, дитя ведь незаконное.

Отправили Ольгу вместе с семьёй родной подальше, чтоб грех-то скрыть, уже в отцовское имение — Болдино. Родители Александра Сергеевича это, конечно, сделали. Так ведь и то верно — как хотят, так холопами своими и распоряжаются, неспроста ведь поговорка в народе прижилась: «хозяин-барин».

Совестно Александру Сергеевичу было, конечно. Погрустил он, попечалился, да делать нечего — так видно тому случиться и суждено. Будет расти ребёночек в дальней стороне. Да и любовь свою забыть надо — не судьба... Не дали бы родители благословения на брак — не ровня они с Олюшкой, хоть и краса она ненаглядная.

Прошло времени с того случая достаточно. Немало других красавиц из барского сословия повстречалось ему. Всё искал он черты Ольгины в каждой, но куда там — ни одну из красавиц тех и рядом не поставить с нашей крестьяночкой-то.

Улеглись страдания-чувства как будто... Вроде и любви давней той конец, и жениться уж надо, к тридцати уж годки-то подходят — не век же бобылём по свету белому мыкать. Нашлась и невеста нашему Александру Сергеевичу, да какая! Глядя на неё, ведь у него слова в строки сложились:

*А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит...*

Не нам судить, но видишь, как получилось: Ольга-то вроде с глаз долой — из сердца вон, а сам на суженую свою наглядеться не может! Только сердечко иногда ноет — как там Олюшка, что с ребёночком?

И надо такому случиться — перед свадьбой надобность ему в дальнюю сторонку, в Болдино явиться, дела разные с подготовкой к свадьбе-венчанью решить. По осени это случилось.

На самом деле это испытание батюшке нашему Александру Сергеевичу уготовлено было. Судьба-то человека всегда загодя золотыми нитями вышивается, и обойти судьбу нельзя или очень трудно бывает. Многие страдания человеческая душа берёт за грехи свои тяжкие.

Так и здесь. Едет он, дума-кручина одолевает, сердце в груди щемит, и кажется ему, будто не осень золотая на землю листьями сыпет, а пурга-вьюга его кружит, дорогу твёрдую из-под копыт коней уводит и бесы разные жалобно воют — «что-де я делаю, верный ли это шаг с женитьбой?»

Приехал наконец. Встретили его дворовые. Как водится, в баньке намыли, накормили, напоили да спать уложили. Вроде, и подуспокоилось ретивое. Не встретил он зазнобу бывшую в первый-то день. А сам он хоть и барин, но спросить про неё не решился пока.

Проснулся поутру, солнце в комнату светит, девушка сенная позавтракать ему каши гречневой принесла. Блюдку-то с кашей он из её рук берёт, а сам глядит — не она ли, не Ольга ли, может, не узнать уж её, сколько ведь годков промелькнуло... Но нет, не она — другая Олюшка-то. Коса у неё светлая, а сама черноокая — ни с кем не спутать.

А окно из его комнаты прям напротив входа в церковь было, он в окно-то ненароком глянул, и показалось, что вроде похожая молодая женщина в церковь вошла. Скорей поспешил свет наш в ту церковь и про завтрак забыл.

Глазами по всем головам пробежал, сразу почти и углядел её — стоит перед Богородицей, свечу держит, сама вся тихая. Она всё та же, только старше маленько, да ещё красивей. Молотком в висках кровь застучала, и подойти не посмел. Почти выбежал из церкви Александр Сергеевич, ветерком свежим на него подуло, только на улице разум вернулся и облик невесты — красавицы писаной опять перед ним возник.

Свиделись они с Ольгой потом только. До встречи этой оба как затаились. И она знала, что он здесь, что приехал, и он знал, что она неподалёку. А увиделись — секунда только была в её глазах укоризна, что де не вспоминал да позабыл, но глянула она в его очи ясные, цвета небушка, сразу и радость в сердце пришла — вот он перед ней!

Сама разговор повела, первой: «Разные у нас судьбы, батюшка Александр Сергеевич, ничего не поделать. А сыночек наш, Павлуша, младенчиком ещё преставился, возле Творца сейчас, ангелочек он». Тяжело слышать было эти речи. Только и вырвалось из груди: «Прости...» Но спокойствие её

да твёрдость духовная ему передались, как будто камень с души свалился, понял — простила. Как видение промелькнула ещё раз перед глазами история любви их нежной, и опять сжалось сердце: «Эх, судьба...»

— Пойду я, батюшка, — негоже.

— Прости...

Повернулся, уйти в дом или в поля — на простор, да на быстром коне ускакать, нет, лучше на Буравушкину горку — так он решил... Есть в Болдине такое место особое, откуда почитай на тридцать вёрст вокруг всё обозреть можно. И дышится там по-особому — оттого, что воздуху вокруг много, а может, ещё от чего. Туда-то он и направился — голову остудить да чувства нахлынувшие унять.

Сам пока шёл, знал уж, что поможет Олюшке за дорогую минуту её прощенья, что только в его силах для неё сделает. Должна быть у души этой светлой доля не холопская — другая какая-то... А у самого уже стала в сердце повесть складываться о любви барина к крестьянке, вот только в повести той сумели бы влюблённые судьбу обойти. И что готов барин уж на крестьянке жениться без благословения отца да матери, вопреки законам старинным. Но нет, нельзя так — волю родительскую уважать надо да законы, не нами писанные, почитать.

И придумалось ему, что девушка в той повести не крестьянкой была, а дворянского сословия, это так потом оказалось, а сперва переодевалась

она в крестьянское платье забавы девичей ради... Да вначале сама не знала, что в сарафане ситцевом да сорочке вышитой себе суженого завлечь да привязать сможет.

Так-то... вот и думайте теперь, где тут правда, а где вымысел...

А я вам вот ещё что поведаю. Многие уж годы в Болдине-то нашем приговорка бытует, а бывает, кто на манер частушки её исполнит, вот она:

*Всем любимым и влюблённым
Я хотела бы сказать:
Чтоб любовь была сильнее,
Надо Пушкина читать...*

Вот это уж чистая правда. Ведь что написал он про любовь, Александр Сергеевич, голубчик наш, всё сначала через сердце своё пропускал, и, как родник хрустальный, эти чувства в слова на бумагу из-под пера его ложились.

Федосья (праправнучка Елисея Крамского, дворового господ Ермоловых, соседей Пушкиных по Болдинскому имению)

P. S. Повесть «Барышня-крестьянка» была написана в Болдине осенью 1830 года, во время первого посещения поэтом родового имения.

P.P.S. Ольга Михайловна Калашникова — крепостная крестьянка, принадлежавшая семье Ганнибалов, дочь Михаила Калашникова, управляющего имениями Михайловское и Болдино.

Связь Пушкина с Ольгой Калашниковой началась, вероятно, в ноябре-декабре 1824 года в Михайловском и продолжалась около полутора лет. Ольга стала матерью Павла, сына Пушкина, умершего во младенчестве. Документы, касающиеся Ольги Калашниковой, обнаружил и ввёл в научный оборот пушкинист П. Е. Щёголев в книге «Пушкин и мужики» (1928 г.) в главе «Крепостная любовь поэта». Именно ею, по мнению автора, поэт был искренне увлечён. Это не было только прихотью, мимолётной страстью молодого барина. Вынужденно расставшись с ней в 1826 году, Пушкин чувствовал себя виноватым в искалеченной судьбе девушки и как мог содействовал её изменению. Так, в 1950-е годы профессор Горьковского университета С. А. Орлов в Госархиве Горьковской области обнаружил дело о выдаче вольной Ольге Калашниковой, о чём он написал в своей книге «Болдинская осень».

Людмила МОНАХОВА

Вновь

В издательстве «Перо»

Кудрявый, смуглый, нагловатый
Пришёл в издательство с утра,
С порога и без предисловий:
Пора, товарищи, пора печатать вечные слова!

Свой кофей не допив, издатель
Взглянул на выскочку и, бровь подняв,
Сказал неспешно: ну-с, удиви меня,
Ты — гений или подражатель?

Кудрявый не сробел, подвинув дырокол,
Форматом А4 в 100 листов,
(Как будто был он к этому готов),
Свой опус возложил на стол.

— Что делать? Надобно читать, драматургия?
Что это? Жанр каков? Кто прототип?
— О, это бесподобно, это — хит,
Понравится читающей России!

Богатство, скука, жизнь без цели,
Мещанство милое и дом без ипотеки,
И дядя в нём оформлен на опеку,
И друг, убитый другом на дуэли,

Любовь неразделённая, балы,
Не смс, но письма на бумаге,
И денди, щеголяющий во фраке,
И дамы, что мужьям верны.

— А что, недурно, право слово, необычно,
Пожалуй, напечатаю, сие,
Мажорско-питерское житие,
Тут временами даже экзотично!

Как имя ваше, юный мой поэт,
Талант в вас, и напор, и дерзновенье!
— Я Александр Сергеевич Пушкин по рождению,
И мне в России равных нет.

Талант от Бога, а напор в нагрузку,
Когда на даче в Болдино скучаю,
То всех друзей в стихи свои включаю,
Пишу на русском я и на французском.

Так завершилась встреча бы, к примеру,
В издательстве «Перо», что у трактира,
И Пушкин вновь предстал бы миру,
Вновь Болдино, и вновь холера.

В магазине «Рыба»

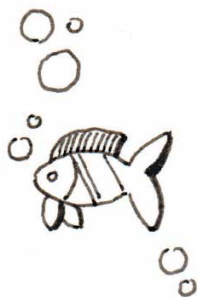
В городке обычном, в магазине «Рыба»,
Очередь змеилась из почётных граждан,
В масках, потому что все боятся гриппа,
Потому что запах, потому что страшно.

Кто-то замечтался, камбале мигая,
Мол, была б живая, бросил бы в корыто,
Кто-то очень важный, пакетик доставая,
Буркнул дружелюбно: скучно и избито.

Я вот, между прочим, старика жалею,
Сказку эту с детства не люблю слегка,
Вот сейчас мгновенно опишу идею,
Как спасти несчастного деда-рыбака.

Надо было сразу, как поймал рыбёшку,
Не бежать к старухе и не штопать невод,
А просить квартиру — двушку или трёшку,
И жену моложе и идти налево!

Подошла Галина с перстнем изумрудным,
Продавщица рыбы с взглядом томно-сытым,
И сказала скромно: сие вам не доступно,
Он любил и точка, старуху и корыто.

Елена АБОЛИШИНА

Правдивая история о том, почему кот учёный оказался на цепи, рассказанная в письмах, найденных на старом чердаке

«Здравствуй, милый мой Матвей! Как поживаешь? Всего ли в досталь? Не обижают ли тебя кухарка? Если не даёт сливок, ты ей скажи, что барин придет — серчать будет! Что-то давненько от вас не было вестей. В саду, наверное, уже берсень поспел. Варит ли няня моё любимое варенье? Без него мне ни Музы, ни настроения, ни душевного покоя.

Обстоятельства вынудили меня задержаться в Болдине, вдали от моей любимой библиотеки. Поэтому обращаюсь за твоей помощью. Не мог бы ты, Матвеюшка, посмотреть старинные сказки? У нас, помнится, было несколько изданий.

Задумал я волшебную сказку, чтоб чудесами развлечь не только смешливых барышень, но и деток малых. Как найдёшь сказки, посмотри, что там есть про царевну-лебедь, про морских витезей и прочие чудеса. А после книжки пришли с нарочным.

Спешу откланяться — приехал голубой мундир, надзор совершать.

Кланяйся от меня Русалке, пусть гостей не пугает почём зря.

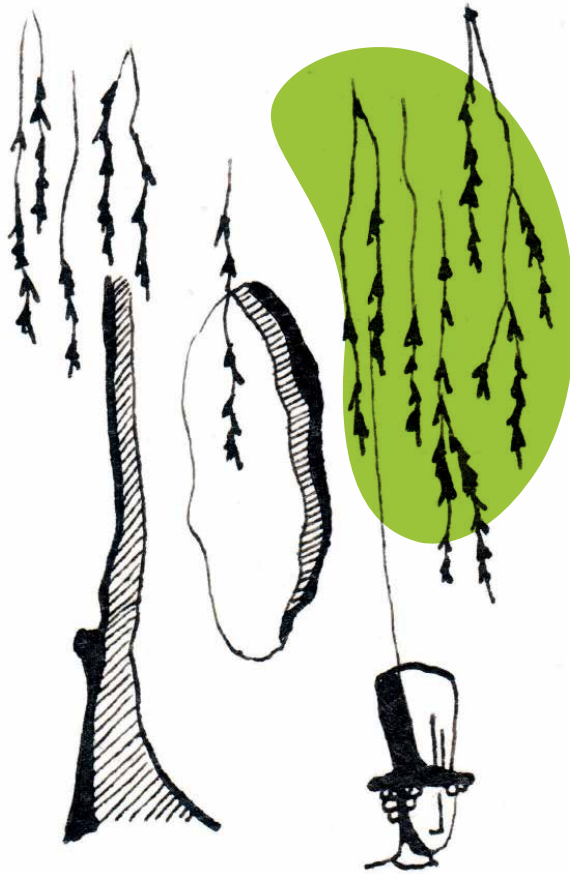
С нижайшим поклоном,

А. Пушкин,

сентября третьего дня, 1830 г.,

д. Болдино»

«Милостивый государь, дражайший Александр Сергеевич! Во-первой, хочу выразить надежду, что холерная хворь обойдёт Вас стороною и Вы вновь вернётесь к своей привычной жизни.

Однако хочу огорчить, что не смогу выполнить Вашего поручения. Потому как давеча четвёртого дня стащил с кухни карася, но был пойман и побит злобной бабой. Зачем Вам в Михайловском кухарка, если нянюшка Ваша, Арина Родионовна, и так неплохо стряпает? Всю неделю была занята «вареньем для Сашеньки», потому остался я без заступницы. А кухарка отдала меня дворнику Герасиму и наказала утопить. Герасим — мужик добрый, хоть и немой. Топить меня, кота горемычного, не стал, но привязал к дереву. А поскольку я три верёвки порвал и одну перегрыз, посадил он меня на цепь. Посему выполнить вашу просьбу не могу, но нижайше прошу — заберите меня отсюда, я вам какую хошь сказку расскажу! Хоть про остров Буян, хоть про золотую рыбку, хоть про петушка!

Ваш кот Матвей.
Сентября 15 день, 1830 г,
с. Михайловское».

«Дорогой друг! Рад был узнать, что ты не застрял в холере, но проводишь время в приятной компании, недалеко от моего Михайловского. Как тебе Ларины? Достойное семейство! Но, будь осторожнее с Ольгой Дмитриевной — ветреная особа! И ещё более осмотрителен с Татьяной Дмитриевной — не заметишь, как окажешься обручён. В любом случае, скучать тебе не придётся.

В то время как я должен томиться бездельем в Болдино.

Всё моё существо протестует против этого, и только осень примиряет с вынужденным отшельничеством. Поистине, пустота в событиях рождает пустоту в мыслях, а эта пустота приманивает вдохновение. Я чувствую, как кровь несёт по жилам рифмы, как они собираются в голове и просятся на кончик пера.

Это и послужило поводом писать к тебе, мой друг Онегин! Загляни ко мне в Михайловское, обними за меня няню и обязательно найди кота Матвея. Учёная божья тварь томится на цепи, прикованная к дубу. Тот дуб найти легко — он самый широкий и раскидистый, настоящий царь среди деревьев! Растёт в отдалении от остального леса на взгорке, там, где Лукоморье. Спаси кота, друг Евгений!

И отправь с ямщиком.

Засим прощаюсь,
твой А. Пушкин.
Сентября 20 дня 1830 г.,
д. Болдино»

«Александр, рад был получить от тебя весточку. Наслышан о твоём затворничестве. Как ты, проказник и повеса, выдержишь, ума не приложу! Я тоже в глуши, но здесь хотя бы есть общество. Весьма простое и бесхитростное, хочу отметить. Сёстры прелестны, хотя Татьяна слишком серьёзна и впечатлительна. От таких надобно держаться подальше.

А вот Ольга... Ах, Ольга! Вот бы её увезти в Петербург, вывести в свет. Она бы расцвела. Но, увы, её удел — составить счастье местному помещику. Нарожает ему маленьких Ленских, растолстеет, станет ленивой, будет носить капор до обеда, командовать на кухне и играть в преферанс по воскресеньям. Так что я, друг Александр, лениво волочусь за ней, скорее от скуки, чем от желания.

P. S. Кота спас, отправил ямщицкой почтой. Кот прихватил с собой ящик с книгами. Так что пиши, Саша, пиши!

Е. Онегин,
1 октября 1830 г.,
Красногорье»

«Милая моя душенька, Русалина Водокрутовна! Спешу сообщить, что доехал я до Болдина благополучно. Хотя путешествие далось нелегко. Постоянная тряска в скрипучей почтовой карете вымотала до последних сил. Особо переживал я за книги, поэтому не отходил от них ни на минуту, за исключением только лишь физической надобности.

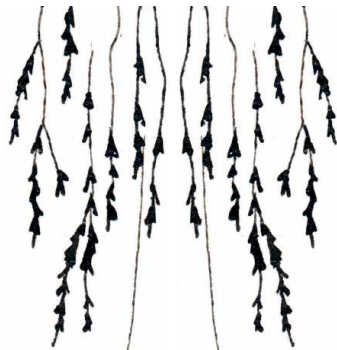
Милейший Александр Сергеевич был несказанно рад книгам и благодарен за то, что взял я на себя труд лично доставить их в Болдино. О чем пишу с неподобающими коту моего положения гордостью и самолюбием. Но, грешен, сдерживаться выше моих сил!

Из чувства признательности и сострадания к дорожным лишениям назначен мне был усиленный пансион — чашка сметаны ежедневно и блюдечко сливок. Больше не могу — животом начинаю маяться. Только твоя, мой свет, настойка на водяном корне и помогает мне.

Александр Сергеевич пишет день и ночь. Когда Муза покидает его, бежит в поля, гуляет по лесам, а то бросится навзничь в листву и лежит, смотрит на облака. Лес сейчас стал светлый и прохладный. Для моих суставов — верная хворь. Поэтому я больше у камелька на подушке лежу. Вернётся Александр Сергеевич со своих моционов и просит: «А промурлыкай мне, Матвеюшка, чем сказка о царе Салтане закончилась?» Я рассказываю, он слушает, слушает, потом — к столу и писать начинает. Много уже листов исписал. А третьего дня отправил пакет издателю.

Длинное письмо получилось, нежная моя ундина Русалина Водокрутовна, но чувства мои просятся наружу. Тебе только могу писать открыто, поскольку что знаю о твоей неграмотности и том, что мои секреты останутся нетронутыми молвой и известностью.

Целую ручки,
твой кот учёный Матвей.
Октября семнадцатый день, 1830 г.
д. Болдино»

Дмитрий СУХОТЕРИН

Был ли счастлив Пушкин?

Раз, пригубив чаю кружку,
У себя я сам спросил!
Был ли счастлив Саша Пушкин?
Сашка Пушкин счастлив был?

Что мы знаем о поэте?
О любимом «наше всё»?
Не играл он на кларнете,
Не рубился в домино.

Не снимался в сериалах,
В интетах не сидел.
Что известно достоверно?
Жил, работал, спал, пил, ел.

Гений. Донжуан. Поэт и,
Бог весть, кто еще он там:
Мастер рифм, творец сюжетов!
Сколько баб он целовал!

Русский он язык оформил
Постарался для людей,
Изменил сам образ мыслей!
Счастлив был? Поди проверь!

Всё собрание сочинений
Изучил вдоль-поперёк.
Был ли счастлив чертов гений?
Был ли счастлив, ё-маё?!

Чай допит — а я не знаю!
В биографию залез.
А что скажет Юрий Лотман?
Был ли счастлив наш А Эс?

В передачах на «Культуре»
И в статьях вся сеть,
Есть запрос в прокуратуре:
«Был ли счастлив сукин сын?»

Собирал так по щепотке —
И как гром среди небес:
Саша Пушкин — счастлив не был!
Не был счастлив. Вот подлец!

Он при жизни не оценен
Так, как это заслужил
«Ну Онегин, ну Евгений.
Прочитаешь и забыл!»

Он страдал от кредиторов,
Государю всё грубил.
Он считал себя уродом.
В карты дулся. С няней пил!

Вот, допустим, вы счастливый,
Вы отец пяти детей.
Очень скоро стукнет сорок!
Вы попретесь на дуэль?!

Полиглот, повеса, гений,
И поэт, и полубог,
Он обязан быть счастливым —
Счастлив не был! Он не смог!

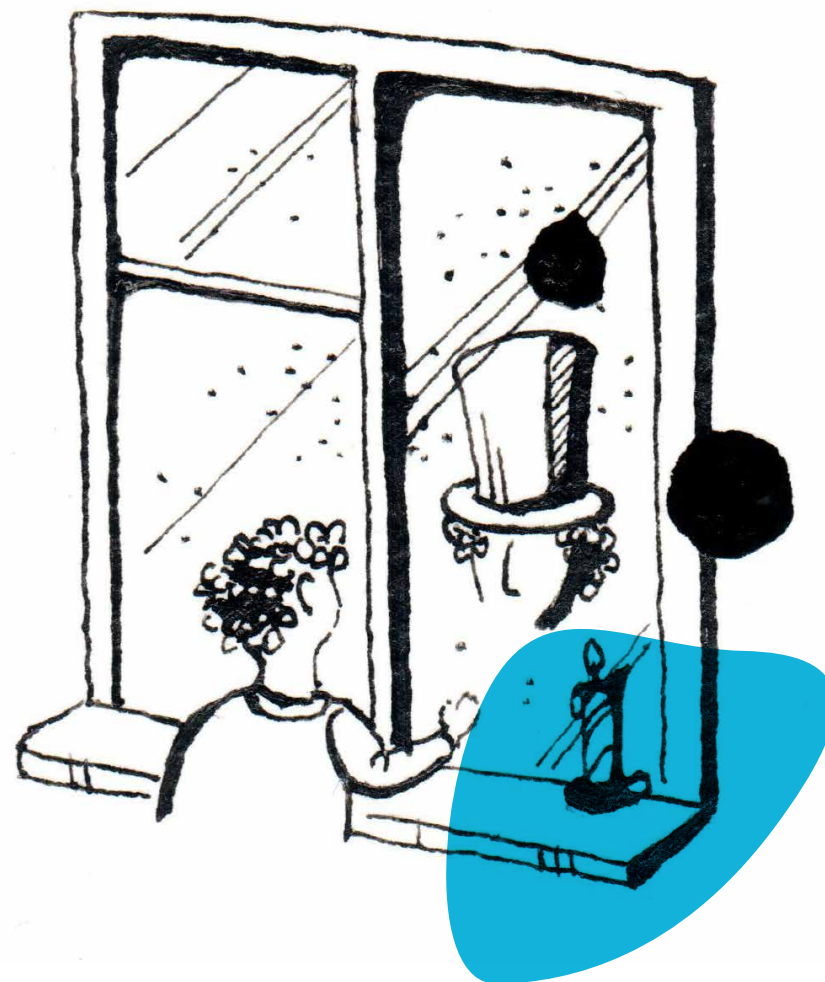
Чая больше нету в кружке,
И не будет, хоть налей!
Если не был счастлив ПУШКИН,
Что мы хотим от людей?

Лариса СУЩЕНКО

Метель

Свеча догорает и пламя мелькает,
А вьюга в окно хлопья снега метет.
Все спят. Лишь барчук всё глаза не смыкает
И старенькой няне уснуть не дает.
Ох, сон-угомон, успокой непоседу.
И спела, и сказку сказала ему,
А он всё не спит, продолжает беседу
Да смотрит, задумчив, в полночную тьму.
Что видит малютка в тех сумерках зимних?
Старуху-колдунью верхом на метле,
Иль витязей гордых, героев былинных,
Иль лебедь-царевну с кольцом на крыле?
Быть может, пригрезился в грозной пучине
Отряд Черномора в доспехах литых?
Бог знает, кто будет властитель отныне
Мечтаний наивных и снов золотых.
Спи, Сашенька, спи, и не бойся метели,
Она не задует свечи огонек.
Лишь саван седой на дорогу постелет.
Ах, сколько их будет, печальных дорог.
Как версты, года побегут друг за другом,
Ни путников обочь дороги, ни хат.
Лишь в пояс поклонится встречная вьюга,
Да сосны крестами тебя осенят.
А кони лихие, они не устанут,
И к месту доставят в назначенный срок,
Туда, где беды и заботы не станет,
Туда, где конец всех путей и дорог.
А дальше? А дальше бессмертье наступит,
Но пусть даже вечность тебя не страшит.
Бессмертье — все та же дорога, а путник
Не может ни дня без дороги прожить.

Лариса Федоровна Сущенко проработала всю свою жизнь учителем начальной школы 25 города Брянска. Это стихотворение она написала в онкологическом диспансере всего за несколько дней до смерти 2 июля 2023 года.

Любовь ЛЕБЕДЕВА

Наитие

Странное место. Небо безоблачное и тусклое. Словно кто-то взял скомканный отрез грубой холщовой ткани, бросил его на небосвод так, что образовались замины и складки, затем достал широкую малярную кисть, обмакнул её сперва в банку с чёрной краской, а после обильно разбавил водой и одним резким мазком провёл этой кистью по холщовке. Получился серо-коричневый оттенок с тёмными подтёками в местах замина. И больше ничего. Звёзд не было. Вместо них остались лишь зернистые узелки плохо выделанной ткани с черными вкраплениями посередине. Будто небесные светила давным-давно выковыряли острым ножом, а пустота на их месте со временем хоть и затянулась, но след от раны остался. Ни солнца, ни луны, ни зари, ни времени суток. Ничего, кроме этого мятого испачканного неба.

Глаза слезились от порывов ветра, пахнущих волглой тиной и солью. Рядом было море. Оторвав взгляд от небосвода, я опустил голову вниз и заметил, что стою по щиколотку в песке. Отряхнув ноги, я провёл по песку носком левого ботинка, нарисовал квадрат и поставил ногу обратно. Квадрат остался, а звука сыплющегося песка всё не было. В надежде что он появится, я ещё немного постоял возле своего рисунка, потом стёр его правой ногой и направился ближе к берегу.

С каждым новым шагом я всё больше убеждался в странности происходящего и всё чаще озирался по сторонам. В попытках уловить взглядом хоть что-то знакомое я вертел головой из стороны в сторону, но не замечал ничего, кроме темноты и морских волн, похожих на расплескавшиеся чернила. Тишина звенела в ушах настолько громко, что я боялся оглохнуть. Но гораздо сильнее я боялся не услышать звука собственного голоса, если попытаюсь произнести хоть слово. Впервые в жизни я ощущал, как страх пульсировал по венам. Я вдохнул побольше воздуха и побежал к морю.

Ветер так сильно трепал ворот моей рубашки, что от напряжения отлетели все верхние пуговицы. Лицо горело как от ожога, губы пересохли и потрескались, ноги сводило от боли. Сколько времени прошло между первым и последним моим шагом, сказать сложно. Равно, как и оценить пройденное расстояние. Упираясь руками в полусогнутые колени, я стоял

на краю моря и пытался дышать спокойно. Густые волны мелькали в глазах, прибывая к ногам водоросли, тину и всё ту же тишину. Холод пробежал по спине. Ведь, если вода не могла онеметь — выходит, оглох я. Эта мысль не давала мне покоя. Я зажмурился, закрыл уши руками и что есть мочи закричал. Связки напряглись, вены у висков вздулись, из глаз текли слёзы, челюсть хрустнула, а во рту появился привкус соли. Все чувства были на месте, кроме одного. Я по-прежнему ничего не слышал.

Отдышавшись, я молча выпрямился в полный рост и обернулся назад. Позади всё исчезло. Широкая полоса берега превратилась в узкую песчаную полоску не больше десяти шагов. Отступать и продвигаться было некуда, поэтому я решил: раз уж квадрат я рисовал на песке левой ногой, пойду вдоль берега налево. Любая дорога куда-то ведёт. Развернулся в левую сторону и стал считать про себя шаги: 1, 2, 3, 4, 5... 10... 20... 50... 100... 200... 400... 500... 1 000, 1 001, 1 002, 1 003. На 1 004 шаге мне показалось, что береговая линия вновь расширяется. А ещё через 300 шагов песка было так же много, как и в начале моего путешествия.

Теперь я видел берег на несколько километров вокруг. По правую руку было море, по левую ветер успел наместить барханные дюны, а впереди виднелось огромное дерево. Вглядевшись вдаль, я решил, что дорога до дерева мне по силам, и направился в его сторону. И чем ближе я к нему подходил, тем больше поражался его мощи. Высота ветвей составляла не менее двухсот метров, а диаметр ствола достигал всех пяти. Морщинистые корни распространялись по поверхности земли на полтора десятка саженей. Кора была испещрена глубокими извилистыми трещинами. Корявые оголённые ветви покачивались на ветру, а опавшая листва кружилась вокруг маленькими вихрями.

Я стоял перед величественным многовековым дубом. Грозным исполином, коих прежде никогда не встречал.

Обогнув торчащие из земли корни, я вплотную приблизился к стволу дерева и прижался ладонями к его шершавой коре. Раскинув руки в стороны, я попытался объять всю толщу его породы, но охватил не больше трети. Стать дерева поражала. Как замороженный, я смотрел на дуб и пятился задом, позабыв о торчащих корнях. На мгновение земля выскользнула из-под ног, и небосвод накрыл голову. Я вцепился руками в опавшие дубовые листья и почувствовал, как песок утекает сквозь пальцы, оставляя в ладонях что-то липко-колючее. Вскочив на ноги, я повернул ладони к небу и увидел в них рыбью чешую. Несколько раз я переводил взгляд с ладоней на дуб и обратно, пока не заметил на одной из ветвей слабый перламутровый отблеск. Обойдя дерево сзади, я поднял голову вверх и понял, что вся оборотная сторона дуба была усыпана мелкими переливами из рыбьей чешуи. Простиравшиеся по всей высоте ствола чешуйки блестели у самой макушки дерева и резко обрывались на уровне моего взгляда. На том же уровне к дубу была прибита

старая рассохшаяся табличка, покрытая пожелтевшим мхом и паутиной. Надписи на табличке было не разглядеть, поэтому я аккуратно потёр её манжетой рубашки. Сухой мох отошёл от деревянной поверхности довольно быстро, оставив свои следы лишь в углублениях с надписью, гласившей, что я нахожусь в Лукоморье.

Не поверив своим глазам, я трижды обошёл вокруг дерева справа налево и слева направо, каждый раз останавливаясь у таблички с названием. И каждый раз видел одно и то же.

Но едва я успел привыкнуть к увиденному, как услышал за спиной тихое побряхтывание. Подумав, что подсознание сыграло с памятью злую шутку, я не поверил в услышанное. Однако побряхтывание повторилось. Я замер и медленно развернулся на звук.

Возле меня стоял чёрный кот. Его передние лапы до самых запястий были покрыты короткой белоснежной шерстью. Будто поверх своей смоляной шубы он надел лайковые перчатки. В цвет передним лапам на груди у него была аккуратно уложена манишка из собственной шерсти. А на фоне морды ярко выделялись длинные белые усы, подрагивавшие не то от порыва ветра, не то от прищура его янтарных глаз. На носу у кота было золотое пенсне, а спину прикрывала зелёная парчовая жилетка. Грациозно сложив на животе передние лапы, он стоял только на задних, словно человек, и пристально смотрел на меня.

— Доброй ночи, — сказал кот.

От услышанного я чуть было не онемел. Оцепенение сковало язык, слова в голове путались и никак не могли сойти с губ. Со мной разговаривал кот, стоящий на задних лапах, и ждал ответа. От одной этой мысли можно было лишиться рассудка. Кот выдержал некоторую паузу, учтиво дав мне возможность прийти в себя, а затем снова ко мне обратился:

— Доброй ночи.

— Здравствуйте. А почему ночи?

— Потому что сейчас ночь.

— Простите, но почему вы так в этом уверены? И если сейчас ночь, то что я здесь делаю? И где, вообще, это «здесь»? И почему я с вами разговариваю? Точнее, почему вы со мной говорите?

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Вы со мной разговариваете, точнее, я с вами говорю, потому что я учёный кот. Дуб, цепь златую видите?

Кот вывернул левую лапу подушечками вверх и указал острым когтем на дерево.

В недоумении я ещё раз внимательно осмотрел весь ствол сверху до низу и повернулся к коту:

— Дуб вижу, а цепи на нём нет.

Зрачки у кота расширились так сильно, что глаза стали полностью чёрными и слились с цветом его шерсти. Он встал на цыпочки, заглянул мне

за правое плечо и вновь опустился на задние лапы, оставаясь стоять на них в полный рост.

— Прошу меня извинить. Цепи действительно нет. Несколько лет назад мы её сняли. Запомню.

— Отчего же сняли?

— Заржавела совсем.

— Но золото ведь не ржавеет.

— Увы, ржавеет всё, мой друг, — это всего лишь вопрос времени. Однако мы отвлеклись из-за моей оплошности, и я не успел ответить на все ваши вопросы.

Кот склонился передо мной в глубоком поклоне и продолжил рассказ:

— Я абсолютно уверен в том, что сейчас ночь по той лишь причине, что мы с вами находимся во сне. Точнее, вы находитесь в своём сне, а я, так уж сложилось, в вашем. А «здесь» — это в Лукоморье.

— Простите, не хочу показаться невежливым, но что вы делаете в моём сне? И почему мой сон находится в Лукоморье?

Голос мой звучал столь взволнованно, что кот, будто почувствовав это, стал говорить вкрадчиво и как-то убаюкивающе протяжно:

— Вижу, по пути вы не на шутку испугались, видимо, дорога ваша была нелегка. Понимаю, что всё происходящее кажется весьма абсурдным и поверить в него вам будет непросто, но мы с вами находимся в сказке. Уже не первое столетие я путешествую по снам людей и пытаюсь убедить их в том, что мир сказок не выдумка, а мы — его жители — существуем не только на страницах книг.

— Пожалуй, мне и впрямь сложно будет в это поверить, но всё же не могу не спросить вас снова. Вы сказали, что путешествуете по снам уже не первое столетие?

— Так и есть.

— Но как это возможно? Если я верно истолковал ваши слова, тогда, по моим подсчётам, прошло едва ли сто лет.

— Сказочный век не столь долог, нежели людской. Один человеческий год равен десяти сказочным. Мир наш вечен лишь на бумаге и весьма скоротечен в действительности, в которую, к несчастью, никто не верит.

— Но если сказочный мир не выдумка, неужели за сотни лет не отыскалось ни одного человека, готового вам поверить?

— Поверить в сон во сне не так уж сложно. А вот верить в него после того, как проснулся, — великое чудо. Из всей человеческой жизни мне подарен лишь один сон. Да только что такое один сон из сотни тысяч? Сон, который, к тому же, никогда не повторится? Мираж, малая толика, крупица. Все, кто когда-либо готовы были мне поверить, забывали об увиденном на следующий же день, ссылаясь на игру воображения. Сразу после смерти Александра Сергеевича мир наш стал увядать и продолжает увядать и поныне. Долгое время я боролся,

но лет двести назад совсем отчаялся. Порой и сам начал забывать, как оно всё было. Вот и про цепь сегодня забыл. Говорю — глядите, а цепи-то и нет уж давно. Скоро я перестану различать правду и ложь, и мир наш растворится во снах окончательно, оставшись лишь на бумаге.

Тут лапы кота дрогнули, он развернулся к дубу и стал смотреть ввысь. Потом, словно осознав что-то совершенно очевидное, неожиданно подошёл ко мне и спросил:

— Что вы видите?

— Где?

— Здесь, вокруг? Пожалуйста, опишите мне всё, что вы видите.

Просьба кота меня немало удивила, но я услышал в его голосе одновременно и ужас, и надежду. Казалось, от моего ответа должно было что-то произойти или измениться. И я стал описывать всё, что увидел по пути: испачканное небо в шрамах, отсутствие солнца и луны, чернильное море с густой тиной, тишину, барханные дюны, дуб без листвы, старую табличку и рыбу чешую на моих руках.

Когда я наконец замолчал, кот уронил своё пенсне и вскрикнул:

— Этого просто не может быть! Вы не должны были... Никто, никто не должен был этого увидеть! Как же я сразу не догадался? Вы видите наш мир таким, каким он стал. Теперь вы никогда не сможете в него поверить. Никто не сможет.

В отчаянии кот упал на землю и превратился в маленький чёрный клубок. В его глазах была тоска. Он больше не стоял на задних лапах и ничего не говорил. От обыкновенного кота в тот момент его отличала лишь парчовая жилетка, которая всё ещё оставалась на нем. Не понимая, что происходит, я сел возле кота и стал ждать. Через какое-то время кот тоже сел рядом и заговорил:

— Простите меня. Должно быть, я вас напугал. Я не должен был так поступать. Получается, дела наши совсем плохи, раз и во сне вы не смогли увидеть наш мир прежним. Для Вас он должен был быть таким, словно только что вышел из-под пера Александра Сергеевича: с золотой цепью, русалкой на ветвях, видениями, Черномором и всеми теми чудесами, которыми он когда-то был полон. Я должен был стать для вас проводником по тропам сказочных грёз, а стану проводником среди кошмаров. Что ж, полагаю, это моё последнее путешествие. Если не побойтесь — следуйте за мной. Я покажу вам Лукоморье. Как только мы переступим корни дуба, вы сможете задавать любые вопросы.

Кот вновь поднялся на задние лапы и подвёл меня к табличке за дубом.

— Как я могу к вам обращаться?

— Простите?

— Я совсем забыл вам представиться. Меня зовут Казимир Северинович. А вас?

Пушистые щёки кота подёрнула лёгкая улыбка.

— Проводнику всегда известно имя путника. Но, согласно сказочным законам, проводник может назвать своё настоящее имя, только если того пожелает путник. Благодарю Вас, что спросили. Меня зовут Вильгельм Карлович. Рад знакомству.

— Вильгельм Карлович? Я думал, у вас будет иное отчество.

— Александр Сергеевич давал имена всем своим героям, просто об этом никто не знает. Наделять персонажей собственным отчеством он почитал кичливостью и непомерной гордыней, а посему нарекал нас именами исключительно выдающихся личностей.

Мы скрепили наше знакомство лапорукопожатием и шагнули вперёд.

— Простите, я всё же не понимаю, что произошло с вашим миром? Сказки Пушкина читают каждый день во всех уголках света! Вас — героев — все знают, о вас помнят!

— Помнить-то помнят, да только по душам никто не разговаривает. А как можно верить тому, с кем нельзя поговорить по душам? Ведь ежели у этого «того» души нет — выходит, что и его самого не существует. Так же и с нашим миром. Если в него не верить, не говорить с ним — он исчезнет.

— Но вы ведь остались. Значит, и сказочный мир ещё можно спасти.

— В день смерти поэта с дуба упал первый лист, и тогда на небе потускнела одна звезда. Со вторым опавшим листом появился первый сорняк на неведомой дорожке. С третьим — погас первый солнечный луч. Затем начался листопад, и связь сказочного мира с реальностью стала стремительно разрушаться. Ночь сменяла день так быстро и так часто, что однажды луна затмила солнце, и наступила полная темнота. Ветер дул все сильнее и сильнее, прогоняя облака из сказок. Небо сажай и пеплом заволокло, а потом и вовсе свернулось складками, словно молочная пенка в чугунке. Цепь золотая от солёного ветра покорёжилась вся, ржой покрылась. Звёзды медленно тлели, покуда не угасли совсем, оставив вместо себя лишь маленький остывший уголёк. Дуб в земле еле держится, того и гляди корни все повыпрет. Наш мир спасёт только чудо, а все здешние чудеса давно уж иссякли.

— Как же остальные герои? Почему они вам не помогают и не путешествуют по снам людей?

— В мире сказок может быть лишь один проводник. Чтобы я мог путешествовать по снам, остальные герои отдали мне все свои волшебные силы, а сами впали в забвение. Черномор с витязями как зашли в море, так сразу и окаменели, осели они на дне морском и с той поры на берег ни разу не ступали. Звери в беспамятстве разбежались, одичали. Бродят теперь где-то в тумане за лесом да за видениями охотятся. Дорожки от нехоженности бурьяном поросли. Ступа Бабы Яги иногда ещё пролетает над ними, мести пытается, но всё реже и реже, покуда и она уж почти рассохлась. Сама Баба

Яга сильно хворает, с печи не встаёт совсем и не узнаёт никого. Избушка давным-давно на пне сидит, курьи ножки свои поджала, окна ставнями прикрыла, дверь нараспашку оставила и впала в дрему. Русалка, лишившись волшебных сил, больше не могла сидеть на ветвях, морской ветер обжигал её кожу и волосы. Окончательно ослабнув, она упала с дуба на землю, оставив после себя только перламутровый след из чешуи. Краски и звуки исчезли вместе с героями, и тогда я остался совсем один.

— Как же вы сами не впали в забвение?

— Вера в меня других жителей сказки была столь велика, что её хватило почти на тысячу лет путешествий. Русалка и теперь дарит мне свои волосы, хоть они и утратили своё волшебство. Даже находясь в забвении, она продолжает слать их со дна моря. Да только достигнув берега, они прибиваются к водорослям и плещутся вместе с ними в черных волнах — те, что вы приняли за густую тину.

Лицо моё исказилось от боли. История русалки так меня потрясла, что я ещё долго стоял в тишине и ни о чём не спрашивал. Я смотрел на этот загадочный мир и пытался его понять. Но кот прервал моё молчание:

— Боюсь, наше время на исходе. И у вас остался последний вопрос. Подумайте над ним хорошенько, прежде чем задать.

Но вопрос мгновенно сорвался с моих губ:

— Почему?

— Прошу прощения?

— Почему она продолжает это делать? Зачем русалка отправляет свои волосы на землю?

— Я не знаю. Для меня это так же странно, как и наш мир для вас. Этого невозможно объяснить, в это можно лишь верить. А вера её настолько крепка, что пробивается даже сквозь забвение.

Как только кот произнёс эти слова, налетел вдруг такой ветер, что я едва мог держаться на ногах.

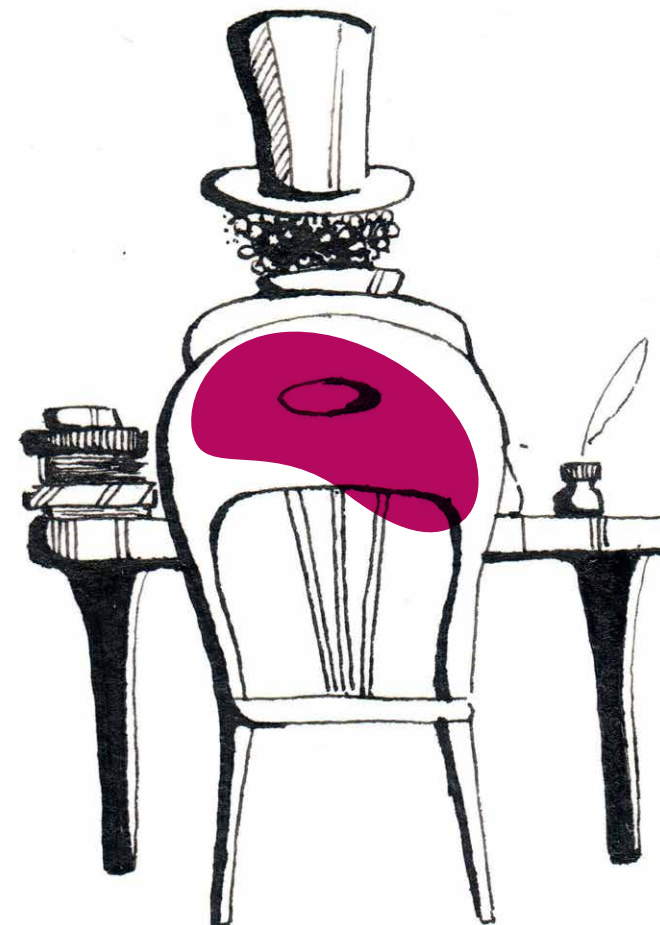
— Что происходит?!

— Море взволновалось, значит, сон ваш подходит к концу. Прощайте, Казимир Северинович! Больше уж не свидимся. Не держите зла на наш мир и ступайте с богом.

Пелена уже застилала мне взор и тело объяла такая тяжесть, что я стал проваливаться в какую-то пропасть. Но резкий гул вернул меня обратно. Он стремительно приближался и с каждым мгновением становился всё громче, пока не перешёл в грохот.

Дуб трясся, земля дрожала с невиданной силой, голова кружилась. Я чувствовал, что отдалялся, и уже закрыл глаза, но Вильгельм Карлович успел прокричать:

— Неужели Вы смогли?! Вы смогли мне поверить?.. Звери... Они возвращаются...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Спустя год Казимир Малевич напишет свой первый «Чёрный квадрат». Художник будет убеждён, что если смотреть сердцем, то сквозь темноту кракелюрных трещин на его картине, так похожих на кору волшебного дуба, можно увидеть и то самое Лукоморье, некогда созданное Александром Сергеевичем, и поверить в удивительный мир его сказок. И надеялся, что где-то в чужом сне Вильгельм Карлович этому улыбнётся.

СКАЗОЧНИК-ДЛЯ-ХОРОШИХ-ЛЮДЕЙ

Сказки для хороших людей

Александр Сергеевич Пушкин отправился в лес по грибы. Погода стояла замечательная, такая замечательная, что великий поэт решил: «Точно, по грибы!»

Идёт, значит, Александр Сергеевич по лесу, мухоморы перед ним шляпы снимают. Не сами, конечно, это отец русской поэзии из озорства их попинывает. Ну да что, великий человек, простить можно.

И тут навстречу ему медведь!

— Я, — говорит, — Александр Сергеевич, стишки тут написал. Не изволите ли прочесть?

Ну, когда к тебе в лесу медведь обращается, да ещё и по имени-отчеству, — в такой ситуации не отказывают. Открывает Александр Сергеевич тетрадочку и читает:

*Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.*

— Сами писать изволили? — интересуется великий поэт.

— Куда мне, косолапому. Я же как курица лапой... Это я дятлу диктовал. Тот, значит, азбукой Морзе на Главпочтамт передавал, а оттуда уже заказной бандеролью прислали.

— Любопытная вещица...

Медведь от радости рот открыл, да ответить ничего не успел — на поляну избушка на курьих ножках выходит. Дверь у неё открывается, а оттуда кот дипломом кандидата наук размахивает, сразу видно — учёный. Кричит:

— Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! Жалостливый, ой, что я говорю, милостивый государь! Не извольте гневаться, велите слово молвить!

Александр Сергеевич благосклонно кивает, кот продолжает:

— Главпочтамт тут ни при чём! И ничего он дятлу не диктовал! И дятел азбуки Морзе не знает и знать не может, потому что её не изобрели ещё!

Это всё я, я своими лапами написал, да в лесу обронил!

Пушкин переводит тут взгляд на медведя, но у того морда-то звериная, по ней понять нельзя, врёт он или от чистого сердца заблуждается.

Тут грохот камней слышится, и на поляну следующий гость вываливается:

— Я, — говорит, — помню, Александр Сергеевич, чудное мгновение. Передо мной явились образы, я стал их записывать вот в эту самую тетрадочку... А тут кот!..

... Вот так из-за проблемы авторства «Евгения Онегина» и не дали Александру Сергеевичу грибы спокойно пособирать. Обидно. Такой урожайный год был. А Александр Сергеевич любил жареные.

Евгений ПАВЛОВ

Купно и заедино

— Вы издеваетесь?! Какие, к чёртовой бабушке, ухокры...

Конец этой эмоциональной фразы заглушил грохот стула, влетевшего в стену. Однако и услышанного было достаточно, чтобы прибежавший на шум человек в мундире полицмейстера догадался, о ком кричал на весь дворец военного губернатора разгневанный посетитель.

Металлический крюк, служивший полицмейстеру правой рукой, зацепил дверную ручку. Дверь в кабинет главы Нижегородской губернии бесшумно приотворилась ровно настолько, чтобы в случае особого буйства со стороны приезжего господина полицмейстер Махотин успел вовремя прийти на помощь начальнику.

— Александр Сергеевич, голубчик, что ж вы, не вникнув в суть, сразу стулья ломать, — послышался за дверью сипловатый тенор генерал-губернатора Бутурлина. — Ухокрылы — это наши местные представители преступного мира, но они, как бы это вам подходчивей-то... Они вне нашей юрисдикции...

— Вне вашей — чего? — хриплым голосом переспросил гость. — То есть вы сейчас мне тонко намекаете, мол, плакали мои денежки?

— Ну что вы, никаких намёков. Я просто констатирую факт, что ухокрылы, они не совсем... То есть они совсем не люди.

— А, ну конечно! И как я сам не догадался, что это не люди-воры, а бродячие собаки стащили мой кошелёк! Из закрытого номера гостиницы, через чуть приоткрытое окно на втором этаже, под самым носом у жертвы. Да так ловко, что я не сразу, а только засобиравшись с дороги в баню, хватился пропажи-то.

— Уверю вас, дорогой Александр Сергеевич, на такую дерзость у нас одни лишь ухокрылы и способны.

— То есть версию о злоумышленниках на ходулях вы не рассматриваете?

— На ходулях? У нас? Да полноте вам сказки-то рассказывать. Право, смешно: у нас — и на ходулях. Нет, это всё дело рук ухокрылов. Или что у них там вместо рук.

— Господи! — воскликнул гость, — объясните же по-человечески, что они такое?!

— Ухокрылы-то? Это такие летучие еловые шишки, только они разумные и с большими ушами. Вот посредством ушей они и перемещаются с ветки на ветку, с ветки на ветку, а там, случается, и в окна залетают. Ну а дальше: хватать, что плохо лежит — и в кремль. Они в кремлёвском ельнике гнездятся. И, прошу заметить, никогда порожняком домой не возвращаются. Намедни у павловского мужика, что возле почтовой конторы зазевался, целый мешок картошки с телеги стащили да к себе в ельник уволокли. Разбросали, намусорили. Но ничего ж не пропало. Вернулось мужику его добро в целости и сохранности. Ведь эта картошка им и даром не сдалась. Они ж её не едят. Так что беспокоиться не о чем, найдётся и ваша пропажа. Ухокрылам денежки без надобности. Поверьте, ограбили вас не ради наживы или озорства, а ради семе...

Последнюю фразу генерал-губернатор отчего-то завершил шёпотом, так что притаившийся за дверью полицмейстер толком её не расслышал. Потому и просунул голову в приоткрытую дверь. На секундочку.

Кучерявый господин сидел к нему спиной в мягком кресле и, судя по расслабленной позе, никакой угрозы здоровью генерал-губернатора уже не представлял. Полицмейстер собрался было занять прежнюю позицию, но не успел.

— Антон Ефимович, — услышал он бодрый голос Бутурлина, — да вы заходите. Сколько можно в дверях-то подслушивать.

— Виноват, Вашество, служба, — ответил слуга закона, явившись в кабинет целиком и тихо прикрыв дверь.

Вместе с ним второй шеренгой в помещение влетели комар, муха и шмель. Посетитель привстал в кресле и замер, наблюдая за тем, как они, крылом к крылу, совершив по комнате большой круг, затихли каждый в своём углу.

— Александр Сергеевич, имею честь представить вам героя Отечественной войны и грозу местного жулья Антона Ефимовича Махотина, — вырвал гостя из лап оцепенения голос военного губернатора. А поймав растерянный взгляд посетителя, украдкой брошенный на металлический крюк вместо правой руки вошедшего, Бутурлин со вздохом добавил: — А это память о Заграничных походах.

— Увечье получил в четырнадцатом году, в сражении близ селения Ладорьер, — отрапортовал полицмейстер.

— Антон Ефимович, вы, я так понимаю, уже в курсе того, что на этот раз отчебучили ваши э-э... подопечные.

— Наслышан. Шалят. Исправим.

— Вот и я пытаюсь объяснить господину поэту, что причин для беспокойства нет, что распутать это, так сказать, преступление, — для нас сущий пустяк.

— Так точно, Вашество, разберёмся на ать-два.

— Антон Ефимович, я надеюсь, вы понимаете важность успешного исхода этого дела, несмотря на его кажущуюся пустячность? Ведь на сей раз жертвой злоумышленников стал не просто болдинский помещик по фамилии Пушкин. Ровно два года назад Александр Сергеевич три месяца кряду просидел в своём поместье. Безвылазно. Чем и прославил нашу губернию.

Нашёл чем кичиться, подумал полицмейстер, тогда мы все по домам сидели. Холера ж.

— А на сей раз он у нас, увы, лишь проездом, — продолжил Бутурлин. — Мимоходом, так сказать. Собирает материал и впечатления для будущей книги о беспорядках этого... как его...

— Сейчас я работаю над рукописью про события и... вообще, историю пугачёвского бунта пишу, — подсказал посетитель.

— Точно, — сказал Бутурлин. — Поэтому и следует наш гость в Оренбург. Путешествует инкогнито. А ещё, Антон Ефимович, вот что вам необходимо знать для успешного завершения следствия: наш гость не последний человек при дворе. Поговаривают, что у него сам государь Николай Палыч в личных секретарях и помощниках ходит.

— Пожалуйста, — устало оборвал его поэт, — прекратите нести этот вздор. Вы, вообще, собираетесь хоть что-нибудь делать?

— Например? — хором отозвались полицмейстер и генерал-губернатор.

— Например, известить этих ваших ухокрылов.

— Известить их никак невозможно, — сказал Антон Ефимович. — Они нам счастье и удачу во всех делах приносят. Если изведёшь их, сей же час горе-злосчастье явится на всю Нижегородчину. А у нас государева ярманка. Вообразите последствия.

— Ярманка-то здесь при чём?

— Так с ярманки всё и началось. Аккурат в тот самый год, как её к нам из-под Макария перенесли, ухокрылы к воровству и пристрастились. Насмотрелись с Часовой горы на торговых людей и прочее жулье, вот и мутировали. А виной всему... ххм... семечки.

— И вы про семечки?!

— А как же! Ради семечек ухокрылы на любое преступление готовы пойти. Сами видите, замкнутый круг получается. Нет ухокрылов — нет в жизни счастья.

— Ну и что мне прикажете делать без денег?

— А ничего не делать. Смириться ждать, и оказывать всестороннюю помощь следствию, — строго сказал Антон Ефимович. Бестолковые вопросы кучерявого господина уже начинали действовать ему на нервы. — Напомните, сколько денег у вас пропало?

— Я затрудняюсь сказать вот так сразу, — отвечал Пушкин. — Не считал.

Да и поиздержался в дороге, но было достаточно, чтобы добраться до Оренбурга и оттуда в Болдино.

«Изрядный крюк, однако, получается», — подумал полицмейстер. — От нас-то по прямой до Болдина гораздо дешевле выйдет, но вслух произнёс:

— Вы, я краем уха слышал, по приезде собирались в баньку сходить? Вот и идите... в баню.

— Господин полицмейстер, допрос потерпевшего закончен! — одёрнул его генерал-губернатор, и, широко распахнув дверь, сухо добавил: — Надеюсь, что сегодня к вечеру досадный инцидент будет исчерпан.

Антон Ефимович молча удалился. Однако, пока за ним закрывалась дверь, он успел-таки расслышать слова гостеприимного Михаила Петровича, адресованные гостю:

— А вечером не откажите в удовольствии видеть вас снова, дорогой Александр Сергеевич. Супруга — большая поклонница вашего таланта...

Дальнейший разговор проходил за закрытыми дверями. Свидетелями его были только члены летучего отряда «Гвидон»: комар, муха и шмель.

Из дворца военного губернатора полицмейстер Махотин поспешил в кремль, к старому ельнику, что разросся между Никольской башней и присутственными местами. Возле белёного куба Дмитровской башни Антон Ефимович резко замедлил шаг. Остаток пути он проделал, внимательно глядя себе под ноги, время от времени подбирая с земли монеты самого разного достоинства.

Кошелёк поэта нашёлся уныло висющим на ветке молоденькой ели. Увы, он оказался скорее пуст, чем полон. Что же касается шести рублей и одиннадцати копеек, найденных по пути, то и они большой погоды для решения проблемы не делали. С такими деньгами об экспедиции по пугачёвским местам можно было сразу забыть.

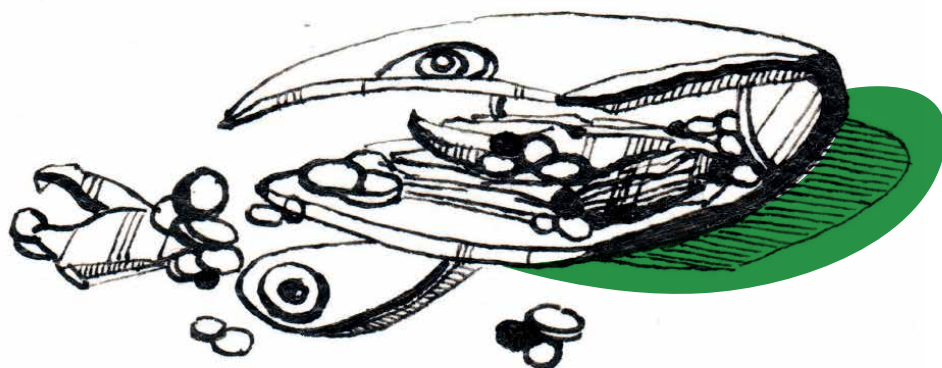
Антон Ефимович сердито посмотрел вверх — туда, где на макушках деревьев висели вниз головой ухокрылы, притворявшиеся еловыми шишками.

Полицмейстер с опаской огляделся по сторонам и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, осенил себя крестным знамением, затем снял чёрную треуголку и подставил лысеющее темя палящим лучам полуденного светила. Через десять минут стояния на солнцепёке он увидел ухокрылов, весело порхавших в кронах деревьев.

А спустя ещё десять минут Антон Ефимович уже допрашивал одного из них.

— Нет, ну ты согласишься, что это уже ни в какие ворота не лезет — обчистили среди бела дня!

КУПНО И ЗАЕДИНО!

— Пласти, Ефимыч, — сказал ухокрыл. — Поголячились. Думали, у такого интелесного господина и семеськи интелесные.

— Погорячились они, — проворчал Антон Ефимович. — Да ты хотя бы примерно представляешь, кого вы обчистили? Это же не абы кто, а сам Александр Сергеевич Пушкин!

— Пускин? — переспросил ухокрыл. — Кто это?

Вообще-то, положи руку на сердце, Антон Ефимович и сам толком не знал, кто такой Пушкин. Но не повторять же при свидетелях за генерал-губернатором его крамольные слова о том, что якобы сам государь-император у этого бумагомараки на посылках. Поэтому он изрёк:

— Э, брат, Пушкин — это наше всё!

— И семеськи? — оживился ухокрыл.

— Тьфу ты! Нет, конечно. Пушкин — наше всё, кроме семечек.

— Ой, как неинтелесно, — сказал ухокрыл и упорхнул на макушку ели.

Антон Ефимович погрозил крюком обнаглевшим шишкам, выбежал из ельника и, поймав извозчика, приказал:

— На Самокаты, живо!

Флаги Нижегородской ярмарки уже неделю как были опущены, торговая жизнь практически сошла на нет, и лишь на Самокатной площади все ещё оживлённо толпился самый разный люд. Длинная очередь возле двухъярусной карусели так и манила Антона Ефимовича к себе. Энергично работая локтями, он быстро проложил путь к белому в красных яблоках верблюду. Чёрная треуголка полицмейстера осталась в руках изумлённого зрителя карусели. Антон Ефимович уселся меж двух горбов деревянного монстра, и карусель пошла по кругу.

— Православные, — обратился Антон Ефимович к народу, — позапрошлый год, когда все мы прятались по домам, спасаясь от холеры, болдинский помещик Пушкин не просто прятался. Он прославлял Нижегородскую губернию. И ведь прославил на всю империю! А сегодня чуть свет на землю нашу пришла беда, откуда не ждали. Поиздержался в дальней дороге помещик Пушкин. И помогли ему в этом ухокрылы. А ведь ему страсть как хочется в Оренбург, чтобы потом вернуться в Болдино. Дабы вновь прославить, но уже на весь крещёный мир, землю нашу Нижегородскую! Неужто мы не поможем поэту и не соберём нужную ему сумму? На экспедицию туда и обратно. Ну же, кто сколько может! Купно и заедино!

Час спустя во дворце военного губернатора Антон Ефимович Махотин положил на стол перед Пушкиным распухший от денег кошелёк.

— Что это? — спросил ошеломлённый поэт.

— Это всё ваше. Надеюсь, теперь инцидент исчерпан? — сказал полицмейстер.

— Но я...

— Господин поэт, дозвоьте закончить, — сухо оборвал его Антон Ефимович. — Ухокрылы ещё просили на словах передать, что искренне раскаиваются.

— Ноя никак не могу это принять, здесь слишком много, — запротестовал Пушкин.

— Александр Сергеевич, голубчик, ну что вы, право! Не отказывайте. Вы же слышали, ухокрылы очень сильно раскаиваются, — принялся увещевать строптивного гостя генерал-губернатор, а полицмейстер, повернувшись кругом, вышел на улицу.

Антонина ТКАЧЁВА

Дорожные истории о Пушкине (почти правда)

1830 год. Осень. Карантинный пост «Севастлейка» на границе Нижегородской и Владимирской губерний, в 20 верстах от Муром

Большая карета, запряжённая тройкой лошадей, ранним-ранним утром 6 ноября 1830 года упёрлась в длинный чёрно-белый шлагбаум, даже ещё и надставленный на конце серой кривой оглоблей. Широкая просёлочная дорога от кювета и до кювета была напрочь перегорожена этим полосатым сооружением; в маленькой, тоже полосатой, будке справа от дороги, в плаще до пят, стоял охранник. Над его головой в сумраке утра угадывалось торчавшее высоко вверх дуло со штыком.

— Тп-ру... — закричал кучер. — Открывай!

— Никак нет! Извольте на досмотр!

— Батюшка барин! — постучал в дверку кареты кучер, — изволь на осмотр!

— Болван, ты, Трифон! «Изволь на осмотр!» Куда ты приехал? Не можешь без приключений! Не мог, что ли, объехать-то! Получишь ты у меня плетей уж!

Молодой человек в плаще и блестящих хромовых сапогах до колена, одёргиваясь и ругаясь, легко соскочил со ступеньки кареты и бодрым шагом направился к ближайшей большой крестьянской избе. Решительно открыв толстую дубовую дверь, он не менее решительно шагнул, не сгибаясь, внутрь. Навстречу ему, скинув с плеч тулуп на лавку, поднялся пожилой смотритель заставы в военной форме. С безразличным, а вернее, недовольным видом, он поднял глаза на вошедшего. Вытянувшись во фрунт, вошедший отрапортовал:

— Дворянин, коллежский секретарь Пушкин Александр Сергеевич! Следую домой, в Москву!

— Свидетельство на выезд пожалуйста! Пропуск у вас есть? Что мне ваши пачпорта, пропуск давайте!

— Пропуска нет, но есть очень важные обстоятельства...

— Какие обстоятельства? Что может быть сегодня важнее холеры? Вы что, не знаете, что холера поднимается с южных губерний, выкашивает целые города и сёла! У меня приказ министра внутренних дел! Так что милости просим за пропуском!

— Понимаете, я уже просил пропуск у предводителя местного дворянства и даже в губернской канцелярии! И не отказывают, и не дают!

— Тем более! У меня приказ, чтобы мышь не проскочила! Без пропуска!

Проситель слегка потупился и замолчал, наверное, представил мыш с пропуском. Собравшись с духом, начал новое наступление:

— Господин офицер, у вас семья есть? Дети есть?

— Да причём тут мои дети, конечно, есть, со счёту сбился!

— А мне за тридцать, понимаете, у меня ни жены, ни детей! Я в первый раз по-настоящему влюбился, два года добивался её расположения, наконец, добился её руки... Через неделю должна быть наша свадьба... Неделя — и я — счастливейший человек на свете! А тут — бах, карантин! А я минуты считаю до встречи с ней! Понимаете, минуты!

— А чего вас понесло-то за такие версты, в такое-то время?

— Отец мой выделил мне в своём Нижегородском имении двести крепостных душ в сельце Кистенёве под Болдином! Сами понимаете, семья намечается! Во время перевода земли и крестьян в другое владение необходимо личное участие. Я, не мешкая, выехал ещё 3 сентября! Более пятисот вёрст одолел за 4 дня. Думал так же и вернуться! А тут, нате вам, карантин! Уважаемый, как вас там, не губите моё счастье, возле моей возлюбленной целый рой женихов! Свадьба может расстроиться! Я бы никогда никому этого не рассказал, если бы не обстоятельства! Вот почему мне так срочно надо в Москву! Вы сами были молодым...

— Ну, я, может, и пропустил бы... Но впереди — ещё пять таких же постов до Москвы! Всё это выльется наружу, а мне, как вы правильно изволили заметить, детей надо кормить! Поэтому нет, почтеннейший, за пропуском, за пропуском! За про-пус-ком!

— А Вы на Кавказе не служили?

— Нет.

— Жаль. А... знаете, я — писатель, поэт. Пушкин, может, слышали? — предпринял последнюю попытку разжалобить зрителя посетитель. — «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», ну, ну! Читали? Слышали? «Борис Годунов», «Полтава». «Уж на равнине по холмам, грохочут пушки здесь и там!». Что? Не читал? Неужели не слышал? Зритель промычал что-то и, опустив голову, замолчал.

— Не ожидал, не ожидал! И чего я с тобой тогда разговариваю? А? Перед кем я шапку ломаю?! Как тебе, бишь, фамилия? Бараньев? Бараньев — не Орлов! Прощай!

Александр Сергеевич, выходя, хлопнул дверью так, что она распахнулась настежь, едва не сорвавшись с петель.

— Ну, не пропускает, ладно — не больно я и надеялся, но не знать Пушкина — это уж слишком! Это уж слишком! Да я после такого и сам не поеду через его переезд! Звать будет — не поеду! Баран безмозглый, когда эти бараны на Руси переведутся!

Садясь в карету, которую Трифон уже развернул назад, он спросил кучера, умеет ли тот читать. Снимая торбу с овсом с морды одной из лошадей,

Трифон, помедлив, словно угадывая настроение хозяина, произнес:

— Нет, барин! К чему нам!

— Приедем в имение, выучу тебя и книжку тебе подарю, с картинками. Давай сейчас в Арзамас!

В пути Александр Сергеевич долго не мог успокоиться, все думал, как отомстить неуважительному, на его взгляд, зрителю. Конечно, он мог бы удариться оземь и стать комаром. Вернуться назад и впиться в эту жирную красную шею, потом лететь, лететь до Москвы, чтобы никто не посмел остановить его... Но осень, комары уже спят, а крупные снежные хлопья уже кружат и кружат в воздухе. Впереди — четыреста вёрст! Необъятна ты, матушка Россия, и непредсказуема!

Александр Сергеевичу пришлось прожить в имении Болдине ещё три недели, за которые он стал попечителем квартала по карантину, произнёс болдинским мужикам в церкви речь о холере, и выехал в Москву только 22 числа ноября при содействии знакомого Языкова. В сердцах он написал здесь ещё несколько произведений — настоящих шедевров мировой литературы! Невеста его дождалась.

1832 год, осень. Дорога Болдино — Арзамас

Большая дорожная карета шла всё медленнее и медленнее, как будто за зад кареты держались двадцать мужиков. Нет, не двадцать, а почти все сорок! Карета встала. Запряжённая серая лошаде́нка, почему-то одна, скособо́чилась на одну здоровую заднюю ногу, почти до земли свесив мокрую голову. Было такое ощущение, что, если бы не упряжь, она бы легла. Серое осеннее утро было пропитано дождем настолько, что абсолютно всё можно было выжимать: дорогу, которую не было видно из-за луж, лежащую по обочинам траву, склонившиеся кусты орешника, да и сам едва занимающийся серо-розовый рассвет.

— Э-э-э-эх, — выдохнул громко кучер на козлах, молодой мужик богатырского телосложения, сполз с них и согнулся у передних колёс, втянув голову в плечи и недоуменно хлопая глазами: — Я же говорил, что это колесо не доедет до Москвы!

— Что такое ещё? — с нетерпением воскликнул полусонный господин в карете, откинув шторку окна ручкой кнута, сложенного вдвое. — Ну, Трифон, ты меня довёл! Мы куда едем? Ты куда меня везёшь?!

Господин решительно отворил дверку и шагнул на ступеньку. Слегка задержался, увидев дождь сплошной стеной, страшную, размешанную грязь на дороге, увязшие по самые спицы колёса кареты. И всё равно господин надвинул на брови цилиндр, замахнул на правое плечо полу большого чёрного плаща и спрыгнул на кочку на обочине. Спрыгнул неудачно — вместо кочки оказался пучок осота, его щёгольские штиблеты

ушли под воду, он потерял равновесие и шлепнулся набок во всей своей красе.

— Батюшка барин, ты не ушибся!? — воскликнул Трифон и бросился помогать барину, не обращая внимания на свои давно промокшие лапти, которых и видно не было под слоем чёрной арзамасской грязи.

— Ах ты, каналья, ах ты, карбонарий, барина захотел загубить! Ты куда меня везёшь?! — со всего размаху барин огрел Трифона кнутом. — Ты куда меня везёшь, я тебя спрашиваю!

Через мокрую, прилипшую к огромному телу Трифона одежду, удары чувствовались хорошо. Ему, видимо, было больно, Трифон повернулся по своей оси, но не издал ни звука. Удары сыпались один за другим. Трифон поворачивался каждый раз на одном месте и молчал. При его поворотах была видна степень изношенности его кафтана. Казалось, если он его снимет, будет куча льняных нитей, и не найдешь ни рукавов, ни воротника.

— Как куда? В Москву! Ты как в карету бросился, кричал: «В Москву, в Москву!» Даже пистолью размахивал!

— Темнота! Это я имел в виду вообще! Надоело мне тут у вас, я же человек светский, я дворянин, понимаешь ты это, голова чертополоха! Чего мне у вас делать здесь? Маяться! Ладно ещё пишу! Всё какое-то занятие, правда, Чичерин не платит ни черта! А ты почему праздничную одежду не надел, чучело, ты же в Москву едешь, паразит, а не в какую-нибудь Кондыревку! Меня опозорить хочешь? Барина, да?!

— Как можно, батюшка, — Трифон достал из-за пазухи узелок с одеждой и поклонился.

— Так, а где моя одежда, где мой сундук, я тебя спрашиваю?! Ты что, потерял его? Где мой сундук, там только обуви пять пар ненадёванной!

— В конюшне-с, не успели погрузить, ты бросился на козлы, хлопнул лошадёнку кнутом, я уж вас на второй версте догнал!

— А лошадь почему одна? Где вторая лошадь, я тебя спрашиваю?! Где вторая лошадь?!

— Так ты, батюшка барин, не дал вторую запрячь, всё кричал: «Быстрее, быстрее!» Я думал, пожар!

— Где пожар?

— Да в Кондыревке!

— В какой ещё Кондыревке?

— Да в той, куда ты к девкам едешь!

— Фу ты, вспомнил, нечистый! Не к девкам, а в карты играть, в козла!

— Ага, от козла Марьица-то и родила вчера.

— Как родила? Кого?

— Как? Обнаковенно. Мальчика родила, говорят, похож...

— Не надо, не надо подробностей, сам посмотрю... Давай-ка, Трифон,

разворачивай. И чего я в этой Москве потерял! А ты дурак, Трифон! Ну и дурак же ты, Трифон, ну и дурак!

Трифон, кивая головой, бережно взял барина на руки, всунул его в дверку кареты, выпряг лошадёнку, привязал её сзади кареты, погрузил на козлы сбрую, аккуратно взялся за оглобли, поднатужился и выпер карету на дорогу. Катил он её легко и быстро, да улыбался: «Да-а! Медовуха-то у Силыча, видно, крепка была вчера! Слава Богу, далеко не уехали, кружили вокруг деревни. Через полчаса будем дома!»

9 ноября 1833 год. Почтовая станция в Шатках.

В Шатках, на почтовой станции, лошадей не оказалось, и напрасно проезжающий франт в чёрном плаще и цилиндре метал громы и молнии. Он возвращался из поездки по Поволжью и Уралу, где собирал материалы по Пугачеву, заехал в Болдино проверить тамошние дела, и вот уже спешил в свою любимую Москву, где у него, по его заявлениям, были пресрочные дела.

— Пре-сроч-ные, понимаешь? От этого зависит моя жизнь и смерть, понимаешь! — твердил он в сотый раз смотрителю станции.

— Нет, батюшка, нет лошадей, хоть убейте, только что перед вами сам министр внутренних дел проехал, а перед ним — граф с графиней, а до этого... Нету, подождите до завтра! — пытался оправдаться смотритель.

Как всегда спешащий, Пушкин негодовал. Он был в пути почти весь осенний короткий световой день: Болдино, Лукоянов, Шатки... до Арзамаса осталось всего тридцать вёрст, а он по чьей-то милости тут, в Шатках, голодный и холодный! Видимо, придётся заночевать, а он второпях ничего съестного не прихватил с собой — знал, что в Арзамасе его ждут друзья и хороший обед.

— Я тыщу вёрст до Урала, проехал, а такое свинство узнал только на родине! Если уж не отправите, так накормите меня!

— Сегодня ничего не готовили, барин!

— Ладно, согласен на щи и кашу!

— Батюшка, и этого нет, день постный сегодня, только холодная похлёбка!

— Вы что, уморить меня вздумали?!

Расходившийся Пушкин не заметил, что в дальнем уголке зала сидел молодой человек и с аппетитом ужинал. Услышав его последнюю тираду, молодой человек подошёл к Пушкину и пригласил отужинать с ним. Голодного Пушкина не надо было долго уговаривать, он с удовольствием сел за стол и отломил кусок запечённой телятины. Потом обменялись любезностями, разговорились. Уже прощаясь, молодой человек назвал свою фамилию: Савостьянов.

— Я, действительно, тороплюсь, благодарен вам за ужин! Но, простите, а не родственник ли вам Константин Иванович Савостьянов?

— Так это мой отец, и он уже поужинал и сидит в карете.

— Как?! Вот это новость! Давай его сюда!

Прибежал Константин Иванович Савостьянов. Они шумно обнялись с Пушкиным, хлопали по плечам, перекрикивали друг друга:

— А ты помнишь?!

— А ты помнишь?!

Константин Иванович был поклонником и старым другом поэта ещё по Кавказу. Тогда, в мае 1829 года, Савостьянов вместе с русскими и грузинскими друзьями устроили грандиозный праздник в честь приехавшего на Кавказ известного российского поэта. За городом, на берегу реки Куры, в цветущем саду, собравшиеся поклонники устроили бурные овации Пушкину, читали его стихи на многих языках Кавказа. Славил так, как никто и никогда его не чествовал. Пушкин признавался потом, что это был самый радостный день в его жизни. Всё-таки как важно в творчестве любого человека признание его достижений!

Разговоров, новостей — не пересказать! Константин Иванович и Пушкин перебивали друг друга, спешили сообщить радостные новости, вспоминали друзей, Кавказ, делились впечатлениями. Это были разговоры не минут и даже не часов. Они никак не хотели расстаться друг с другом.

В этот сумрачный осенний день 1833 года Константин Иванович с сыном спешили домой, в город Краснослободск Пензенской губернии. Узнав о цели путешествия Пушкина по Поволжью, Константин Иванович живо предложил писателю самому поговорить с жителями Краснослободска о «мужицком царе Емельяне Пугачёве». Пушкин понял уловку друга, но отказать не смог. Ну и что, что надо ехать назад: Шатки, Лукоянов, Болдино... Какая-то сотня вёрст — с друзьями и это не крюк!

Погрузив чемоданы поэта на свою карету, они втроём резво тронулись в путь. На крыльце почтовой станции остался онемевший от неожиданного поворота событий наблюдатель: «А как же Москва, как же пресрочно, как же жизнь и смерть?»

И сам себе ответил: «И небеса прославят чудные дела твои, Господи, и истину твою в собрании святых!»

СОДЕРЖАНИЕ

Орден СЛОВА. Надежда Филиппова	6	Три полуночные сказки. Надежда Филиппова Сказка первая. Как поэт поэту Сказка вторая. Четвёртый том Сказка третья. Трое из Лукоморья	50 57 62
А был ли Пушкин?.. Кирилл Савинов	12	Рассказ болдинской крестьянки о любви поэта. Наталья Крамская	70
Болдинская трагедия. Елена Репина	15	Вновь. Людмила Монахова В издательстве «Перо» В магазине «Рыба»	74 76
Семнадцать по пять и две по одной. Александра Шарова	19	Правдивая история о том, почему кот учёный оказался на цепи, рассказанная в письмах, найденных на старом чердаке. Елена Аболишина	77
Пушкин ушёл к другой. Виктория Сосновских	25	Был ли счастлив Пушкин? Дмитрий Сухотерин	81
Нет, весь я не умру... Александра Шарова	28	Метель. Лариса Сущенко	84
Сон Пушкина. Инна Баскакова	34	Наитие Любовь Лебедева	86
О пользе нежити и сказках Пушкина. Марина Вострикова	37	Сказки для хороших людей Сказочник-Для-Хороших-Людей	94
Еда давно минувших дней, застолья старины глубокой, а также хитин, лигнин и целлюлоза в произведениях А. С. Пушкина. Виктория Травкина	40	Купно и заедино. Евгений Павлов	96
Парафраз. Перечитывая Пушкина. Евгений Стрелков	45	Дорожные истории о Пушкине (почти правда) Антонина Ткачёва	102

АВТОРЫ:

НАДЕЖДА ФИЛИППОВА, директор по развитию туроператора «Нескучный Нижний», гид, автор экскурсий, путеводителей и аудиогидов по Нижнему Новгороду

КИРИЛЛ САВИНОВ, журналист, член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

ЕЛЕНА РЕТИНА, Лена Lens, гид по Нижнему Новгороду, член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

АЛЕКСАНДРА ШАРОВА, автор проекта «Сказки про Пушкина», директор АНО «Нескучный Нижний», председатель правления Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

ВИКТОРИЯ СОСНОВСКИХ, журналист

ИННА БАСКАКОВА, историк-исследователь, этнограф, член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

МАРИНА ВОСТРИКОВА, учитель, член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

ВИКТОРИЯ ТРАВКИНА, микологический экскурсовод, член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

ЕВГЕНИЙ СТРЕЛКОВ, художник, поэт

НАТАЛЬЯ КРАМСКАЯ, научный сотрудник Нижегородского филиала музея-заповедника А. С. Пушкин «Болдино», член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

ЛЮДМИЛА МОНАХОВА, библиотекарь

ЕЛЕНА АБОЛИШИНА, воспитатель Волгоградского технологического колледжа

ДМИТРИЙ СУХОТЕРИН, режиссер творческого объединения «НЕТЕАТР»

ЛАРИСА СУЩЕНКО, учитель начальной школы № 25 города Брянска

ЛЮБОВЬ ЛЕБЕДЕВА, филолог

СКАЗОЧНИК-ДЛЯ-ХОРОШИХ-ЛЮДЕЙ, инкогнито

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ, экскурсовод, член Ассоциации экскурсоводов Нижегородской области

АНТОНИНА ТКАЧЁВА, журналист и писатель из города Арзамаса

Над этим сборником
работали
ДВАДЦАТЬ
ДЕВЯТЬ авторов

Но чтобы она стала еще привлекательнее, в нашу команду вошел тридцатый автор. Правда, он не написал ни одной поэтической или прозаической строки, зато нарисовал картинки к нашим сказкам.

Зовут его Матвей Вотинцев и он еще учится в школе. Из скромности Матвей не стал рисовать сам себя, зато нарисовал свое рабочее место, на котором были созданы все картинки, которые вы видите на странице этой книжки.